

АНДРЕЙ ВОРОНИН

**СЛЕПОЙ
ПРОЕКТ «ВАНГА»**



Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Проект «Ванга»

«ХАРВЕСТ»

2008

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Проект «Ванга» / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2008 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-5042-2

Живые мертвецы и ожившие тайны прошлого – с чем только не приходилось сталкиваться Глебу Сиверову! Он, материалист и скептик, вступает в противоборство с ясновидящим, обладающим чудесным даром, целителем, полубогом – люди превозносят своего кумира до небес. Но так ли чудесны все чудеса? В ходе расследования Глеб Сиверов должен... вернуться в прошлое и закончить свое первое дело.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-5042-2

© Воронин А. Н., 2008
© ХАРВЕСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Воронин
Слепой. Проект «Ванга»

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2008

Глава 1

Это был узкий прямоугольный пенал из сплошного серого бетона со следами аккуратной, дощечка к дощечке, деревянной опалубки. Расположенная в торцовой стенке дверь представляла собой гладкий прямоугольник выкрашенного в черный цвет железа – не жести, а именно листового железа, в чем было очень легко убедиться, просто постучав по ней кулаком. На такой стук дверь реагировала примерно так же, как бетонная стена – то есть никак. Она не содрогалась, не прогибалась и не громыкала; она была непоколебима, и даже отчаянные удары каблуком исторгали из нее лишь глухое, едва слышное «тук-тук». Разумеется, если постучать в эту дверь чем-то металлическим, она бы зазвучала, как набатный колокол, однако ничего подходящего для этой цели в комнате не было. «Меблировку» данного помещения составляли брошенный прямо на голый бетонный пол грязный тюфяк с торчащими из многочисленных прорех ключьями желтовато-серой ваты да намертво вмурованное в тот же пол архаичное эмалированное очко вроде тех, что когда-то устанавливались в общественных туалетах. Прямо из стены над очком торчал кусок резинового шланга с вентиляем; отвернув этот вентиль, обитатель комнаты мог удалить из пожелтевшего и растрескавшегося эмалированного корыта отходы своей жизнедеятельности. Здесь же, стоя над очком, можно было умыться, а заодно и утолить жажду: других источников питьевой воды в комнате не наблюдалось.

Шланг был резиновый, а вентиль – пластмассовый, так что причинить себе какой бы то ни было вред посредством этой штуковины не представлялось возможным. В комнате вообще не было никаких предметов, могущих послужить орудием самоубийства; отсутствовали даже трубы под потолком, на которых можно было бы повеситься, соорудив удавку из какого-нибудь предмета одежды. Конечно, при очень большом желании можно было разбить голову об стену или дверь, но, чтобы покончить с собой столь ненадежным и изуверским способом, нужно обладать огромной силой воли... либо быть абсолютно безумным.

Сила воли у нынешнего обитателя комнаты была самая обыкновенная – не слабая, но и не слишком сильная. Он умел добиваться поставленной цели и даже, черт возьми, бросил курить, однако полностью подавить инстинкт самосохранения у него пока не получалось. Говоря по совести, он к этому не особенно-то и стремился, поскольку был человеком здравомыслящим и в высшей степени прагматичным.

Пленник задумчиво потер ладонью колючий подбородок. Это был мужчина лет сорока, еще совсем недавно пребывавший в неплохой спортивной форме, а теперь заметно располневший и обрюзгший из-за приличной кормежки и малоподвижного образа жизни. Кормили его действительно неплохо и, судя по всему, подмешивали в пищу лошадиные дозы транквилизаторов: он постоянно пребывал в какой-то прострации и очень много спал. Он только сейчас сообразил, что все эти мысли – о невозможности побега или хотя бы самоубийства, о рабстве и выкупе – пришли ему в голову лишь сегодня, вот только что, после завтрака... Или ужина? Пленник давно потерял счет времени. Он не имел понятия, утро сейчас или вечер и сколько времени он провел на этом комковатом, бугристом тюфяке, созерцая забранную прочной стальной решеткой яркую лампу под потолком. До сих пор он об этом не задумывался; откровенно говоря, все это время он вообще ни о чем не думал, а сейчас его мыслительные способности вдруг вернулись к нему, как будто кто-то воткнул штепсель в электрическую розетку и нажал на кнопку. Видимо, поданная ему час назад еда, простая, но сытная, сегодня не была приправлена химией.

Вряд ли по недосмотру; пожалуй, там, наверху, что-то произошло или вот-вот должно было произойти. Пленник почувствовал, что начинает волноваться; после многих, никем не считанных дней, проведенных в полусонной, сомнамбулической одуре, это было почти так

же приятно, как размять затекшие от продолжительного бездействия мышцы. Он не утратил способности волноваться и ясно мыслить.

«Интересно, на какую же сумму меня обули эти уроды?» – подумал пленник, и в это время за дверью послышались шаги. Сердце екнуло и забилось чаще: обычно охрана появлялась в комнате только для того, чтобы принести еду и забрать посуду. Пленник не ошибся: что-то изменилось, и сейчас решится его судьба.

Лязгнув засов, дверь распахнулась во всю ширь, и через порог, пригнув голову в низковатом для него проеме, шагнул охранник. Пленник прозвал его Шреком за сходство с персонажем мультфильма: такая же фигура, лысая как колено башка и тупая зверская рожа с приплюснутым носом и глубоко посаженными поросычыми гляделками, расположенными так близко, что их, казалось, можно выколоть одним пальцем. Разве что шкура была не зеленая, а коричневая – надо полагать, после отпуска, проведенного на модном курорте...

Не говоря ни слова, Шрек сделал шаг влево и замер у двери – ноги на ширине плеч, руки сложены поверх причинного места, как будто их владелец все время опасается, что либо вообще забыл одеться, либо не застегнул ширинку. В комнату вошел еще один охранник – чуть пожиже Шрека, но тоже такой, что и ломом не сразу убьешь. В руках у него был стул; поставив его посреди комнаты, охранник сделал приставной шаг вправо и замер по другую сторону двери в точно такой же позе, что и Шрек, – ноги на ширине плеч, руки на ширинке. Сейчас эта парочка смахивала не то на эсэсовцев, караулящих вход в бункер фюрера, не то на декоративные чучела в латах, какие, помнится, пленник когда-то мечтал завести в своем загородном доме, но быстро перерос свое увлечение рыцарями, неудобной мебелью на львиных лапах и прочей дребеденью.

Дверь так и осталась открытой, позволяя пленнику видеть кусочек коридора – грязный бетонный пол и прямоугольник сложенной из силикатного кирпича стены с грубыми, неаккуратными швами. Через минуту, показавшуюся заложнику вечностью, в комнату вошел еще один человек – невысокого роста, коренастый, в дорогом, не слишком хорошо сидящем сером костюме, в белой рубашке с безвкусным галстуком и с угрюмой физиономией заматеревшего выскочки, привыкшего всеми и повсюду распоряжаться, не особо при этом церемонясь. Глаза пленника широко распахнулись, когда он узнал это лицо, в последнее время нередко мелькавшее на экране телевизора и на страницах газет.

Пленник сел на тьюфяке, по-турецки поджав под себя ноги и положив руки на колени. По лицу вошедшего скользнула тень неудовольствия: похоже, он не привык, чтобы перед ним сидели, и не просто сидели, а еще и в такой вот вольной, чуть ли не хозяйской позе. Пленник усмехнулся: похоже... Какое там к черту «похоже»?! Не «похоже», а вот именно привык. Он ведь всю жизнь только тем и занимается, что вертит людьми как хочет. И, по слухам, не без успеха...

Теперь пленник испытал уже не волнение, а довольно сильное и неприятное беспокойство. Этому человеку совершенно нечего было здесь делать. Он – организатор похищения. Не чеченец какой-нибудь, не бандит и даже не конкурент по бизнесу, а он – человек, интересы которого лежали в сфере, никоим образом не пересекавшейся со сферой интересов пленника. Это было необъяснимо, а потому страшно.

Заложник старался ничем не выдать своего испуга. Судя по тому, как еще больше помрачнело и без того мрачное лицо хозяина, ему это удалось. Это была ничтожная победа, да к тому же совершенно бесполезная, однако узник бетонного склепа немного приободрился. Правда, радоваться было рановато.

Обойдя стул, хозяин опустился на жесткое сиденье, забросил ногу на ногу и сцепил на колене по-мужицки короткие и толстые пальцы с квадратными ногтями. На левом запястье поблескивал браслет очень дорогих и безвкусных часов, а на белоснежной манжете темнело

бурое пятнышко. Пленник понимал, что это соус или кофе, но пятнышко все равно неприятно напоминало кровь, и ему стоило больших усилий отвести взгляд от этой бурой точки.

– Думаю, представляться не обязательно, – сказал хозяин, прожигая пленника взглядом темных, глубоко посаженных глаз.

Голос у него был резкий и грубый, тон – надменный и пренебрежительный. Впрочем, этот хамский тон вовсе не являлся признаком дурного настроения. Выступая на публике, этот человек разговаривал точно так же; при всех своих широко разрекламированных талантах и достоинствах, он был, мягко говоря, неотесан. Он говорил как прапорщик, который, проснувшись поутру, вдруг обнаружил у себя на плечах генерал-полковничьи погоны, как дорвавшийся до власти холуй – по-другому этот тип говорить не умел.

– Как хотите, – охрипшим от долгого молчания голосом сказал пленник. Он откашлялся в кулак, прочищая горло, и уже более уверенно и чисто повторил: – Как хотите. Вы тут хозяин, вам и карты в руки. Хотя я, конечно, не отказался бы узнать, с кем имею дело. Тогда, может, понял бы, что должна означать вся эта чертовщина. На чеченца, которому нужны бесплатные пастухи, вы не похожи.

В глубоко посаженных, горящих, как черные угли, глазах хозяина мелькнула тень изумления.

– Это надо понимать так, что ты меня не узнаешь? – осведомился он.

– А кто ты такой, чтоб я тебя узнавал? – тоже переходя на «ты» и довольно удачно копируя тон хозяина, огрызнулся пленник. – У тебя на лбу ничего не написано, кроме того, что ты нажил себе крупные неприятности.

Шрек подался вперед с явным намерением посредством хорошей зуботычины внушить пленнику правила хорошего тона, но хозяин, не оборачиваясь, словно у него имелись глаза на затылке, одним вялым движением короткопалой руки остановил своего цепного пса, вернув его в угол у двери.

Пленник перевел дыхание. Валять дурака, делая вид, что не узнал хозяина, – это было, конечно, самое разумное из возможных решений. Признаться в обратном значило подписать себе смертный приговор; ради того, чтобы сохранить жизнь, можно было стерпеть любые побои и даже пытки, однако лучше все-таки обойтись без них.

– Неприятности имеют место быть, – согласился хозяин, вытряхивая из пачки сигарету. Второй охранник быстро и бесшумно шагнул вперед и поднес ему зажигалку. – Только не у меня, – продолжал хозяин, затягиваясь и выпуская в потолок длинную струю дыма. – Это у тебя неприятности. Я мог бы предсказать тебе будущее, но не стану этого делать. Ты ведь и сам уже все понял, верно?

– Не совсем, – заявил пленник.

Это была наполовину ложь; правда заключалась в том, что он вообще ничего не понимал. Перестал понимать с того момента, как этот тип вошел в камеру. Ведь он явился сюда уверенный, что его узнают с первого взгляда... Неужели переговоры о выкупе сорвались? Но ведь прошло слишком мало времени, такие торги могут длиться месяцами, а иногда и годами... И вообще, личность хозяина плохо вязалась с таким малопочтенным занятием, как похищение людей с целью получения выкупа. Он был, конечно, сволочь, но не до такой же степени! Да и промысел имел доходный, а главное, далекий от уголовщины...

В голову пленнику вдруг пришла мысль о шутке, о дурацком розыгрыше. Помнится, была на телевидении программа, которая так и называлась: «Розыгрыш». Трепали людям нервы на потеху всей стране, а в кульминационный момент на сцене появлялась толпа придурков с букетом цветов. Поздравляем, вы участвовали в съемках программы «Розыгрыш»... Что-то их в последнее время не видать. Доигрались, наверное. Дал кто-нибудь в рыло, а то и пристрелил сгоряча... Сам пленник за такой вот, с позволения сказать, розыгрыш, как этот, не задумы-

ваясь, отбил бы шутнику башку голыми руками. Меру надо знать, ребята! Хороши шутки – засунуть человека в это свиное стойло и держать взаперти черт знает сколько времени!

При всей своей нелепости мысль о глупом розыгрыше показалась ему неожиданно привлекательной, и он даже обвел свою тесную обитель взглядом, ища место, где можно было бы спрятать видеокамеру.

– Я просчитался, – сообщил ему хозяин. – Это случается – нечасто, но все-таки случается. Просто не думал, что твое ближайшее окружение состоит исключительно из самоуверенных баранов.

– Неужели отказались платить? – изумился пленник.

– Ты за кого меня принимаешь? – оскорбился хозяин. – Что я тебе – урка? По-твоему, мне твои деньги нужны?

– А что же?

– Что мне нужно – не твое дело, потому что ты мне этого дать не можешь. А твои присные – да, могли бы. Но не захотели. Зря ты не женился. Нашел бы себе хорошую, любящую жену, сейчас бы уже сидел дома на диване и чай пил...

– Учту твой совет, – сказал пленник. – Совет хороший. Только последовать ему нелегко. Бабам нынче только деньги нужны, какая уж тут любовь...

– Да, – согласился хозяин почти сочувственно, – богатство – дело такое. Ни друзей настоящих, ни жены, которой ты нужен независимо от размера банковского счета... Понимаю. Мне от этого тоже несладко. У кого деньги есть, тот никому не нужен – пропал, и хрен с ним, давайте скорей наследство делить. А за кого жена с детишками в огонь готовы пойти, с того обычно и взять-то нечего...

– Тяжелое положение, – с насмешкой, которая очень нелегко ему далась, посочувствовал пленник.

– Тяжелее, чем ты думаешь, – сообщил хозяин. – Особенно для тебя.

– Слушай, – окончательно сообразив, к чему он клонит, сказал пленник, – кончай эту бодягу. Давай договоримся: ты меня не видел, я тебя не знаю и претензий к тебе не имею. Просто назови сумму, и уже завтра она будет у тебя.

– Ты опять о деньгах? Я же сказал...

– Ладно, пусть не деньги! Скажи, что тебе надо, я в лепешку расшибусь...

– Вот уж в чем я не нуждаюсь, так это в лепешке из тебя! Сколько раз тебе говорить: того, что мне нужно, у тебя нет! Поэтому, как говорится, не обессудь...

Его ладонь скользнула в карман пиджака. Пленник вскочил, словно подброшенный мощной пружиной. Если бы до сегодняшнего дня он не находился под воздействием регулярно подсыпаемой в пищу отравы, у него было бы время хорошенько обдумать ситуацию и подготовиться к тому, что его ожидало. Но все это время он провел как во сне, а пробуждение получилось неожиданным и предельно скверным. Топча туфлями, из которых кто-то позаботился вынуть шнурки, служивший ему постелью грязный тюфяк, он попятился и остановился, упершись лопатками в холодный, равнодушный бетон стены.

Хозяин тоже поднялся. В руке у него белел вынутый из кармана одноразовый шприц.

– Не дури, – сказал он. – Ничего страшного, просто укол. Ну, как комарик укусил, совсем не больно...

Увидев прыгающее в его глазах дьявольское веселье, пленник испугался по-настоящему. Этот человек явно получал от происходящего огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие; это был сумасшедший, и притом очень опасный.

– Не подходи! – что было сил завопил пленник. – Не подходи, тварь полоумная, загрызу!

Хозяин, впрочем, и не думал к нему подходить. Вместо этого вперед двинулись охранники – синхронно, не дожидаясь команды. Действуя с деловитой сноровкой опытных санитаров из отделения для буйных, они схватили пленника с двух сторон и зафиксировали в желез-

ном захвате. Сопротивляться им – все равно что пытаться бороться с парочкой бульдозеров; по сути дела, со всей этой процедурой без труда справился бы и один Шрек, который, высвободив левую руку, всей пятерней вцепился пленнику в волосы и отогнул его голову назад. Пленник только начал подумывать о том, чтобы пустить в ход ноги, как его лишили даже этой возможности: Шрек наступил ему на правую ногу, а его напарник – на левую. Теперь пленник мог только кричать, взывая к равнодушному бетонному потолку. Тогда он, сам не зная, зачем, собственно, это делает, заставил себя замолчать и до хруста в ушах стиснул зубы.

– Вот это правильно, – послышался голос хозяина. – Достоинство надо блюсти. Хотя дела это, увы, не меняет.

Пленник увидел у самого своего лица блеск тонкой стальной иглы с дрожащей на кончике прозрачной каплей.

– Ничего личного, – услышал он, а в следующее мгновение ощутил короткий укол в шею.

Раствор вошел почти безболезненно и подействовал мгновенно. Произнесенное примерно до половины грязное ругательство оборвалось, замерев на непослушных губах, голова пленника бессильно упала на грудь, и охранники, не дожидаясь команды, поволокли тяжело обмякшее тело к выходу мимо брезгливо посторонившегося хозяина.

* * *

Квартира у Максима Соколовского была просторная и уютная, спланированная по старинке, без модных нововведений, заключающихся по преимуществу в том, чтобы снести все внутренние перегородки, объединить кухню с гостиной и сортир с ванной, а после понаставить везде дорожущих гнутых барьеров из древесно-стружечной плиты, пластика и хромированных металлических труб. Деньги на так называемый евроремонт у Соколовского имелись, а вот желание заниматься упомянутым безобразием отсутствовало начисто, так что доставшаяся ему по наследству от родителей четырехкомнатная профессорская квартира по сей день пребывала в первозданном состоянии, то есть имела прихожую, отдельный санузел и кухню, расположенную от гостиной на таком удалении, что бряканье кастрюль и кухонный чад не доносились до гостей, собиравшихся за круглым раздвижным столом под старинным, плюшевым с бахромой, абажуром. Нина в данный момент находилась не в гостиной, а в спальне, и отсюда ей было слышно, что телевизор на кухне включен и что передают новости. Слов было не разобрать, речь дикторов сливалась в невнятное бормотание, но короткие музыкальные заставки звучали очень знакомо, и, окончательно проснувшись, Нина сообразила, что, заваривая утренний кофе, Максим смотрит выпуск криминальных новостей по столичному каналу.

Покидать нагретое гнездышко под одеялом было жаль, но Нина знала, что вставать все равно придется. Она решительно сбросила ноги на покрытый пушистым ковром пол и села на кровати, нащупывая справа от себя халат. Лето уже кончилось, а отопление еще не включили, но в квартире было сравнительно тепло – погода стояла сырая и мягкая, истинно грибная. Сквозь полупрозрачную штору виднелся льнувший к стеклу густой утренний туман, из-за которого освещенная стоящей на прикроватной тумбочке неярко лампой старомодно обставленная спальня казалась особенно уютной. Максима отличало почти противоестественное, особенно для состоятельного человека, равнодушие к вещам. Он хорошо одевался, потому что был приучен к этому с детства, да и профессия требовала, чтобы он прилично выглядел, появляясь на людях; он водил хорошую, дорогую иномарку, потому что это было скоростное, удобное и безотказное средство передвижения; кухня у него была оборудована по последнему слову техники, поскольку это облегчало жизнь, но оставшуюся от родителей обстановку квартиры он до сих пор сохранял нетронутой, меняя тот или иной предмет мебели лишь тогда, когда его было уже невозможно починить. Здесь до сих пор было полно громоздких книжных шкафов, ломившихся от многотомных собраний сочинений, старомодных абажуров с бахромой, тяже-

лых, очень уютных кресел с потертой обивкой и картин под стеклом, заключенных в потемневшие резные рамы.

Затянув на талии пояс халата, Нина подошла к большому трельяжу, который был, пожалуй, лет на десять старше ее. Причесываясь, она придирчиво рассматривала свое отражение, привычно удивляясь тому, что Максим в ней нашел. Рыжие, как шляпка подосиновика, непослушные волосы, круглое простоватое лицо с бледной, как у всех рыжих людей, кожей, усеянное веснушками, против которых бессильна любая косметика, серо-зеленые, не отличающиеся какой-то особенной выразительностью глаза, курносый нос, большой смешливый рот, далеко не идеальная фигура... Нина привыкла считать себя дурнушкой, и то обстоятельство, что к тридцати шести годам она ни разу не побывала замужем, служило подтверждением тому, что мужчины разделяют ее мнение. Поэтому, когда такой завидный во всех отношениях кавалер, как Максим Соколовский, не просто обратил на нее внимание, а начал планомерно и настойчиво за нею ухаживать, Нина была удивлена и даже немного напугана. Первое время она почти не сомневалась, что это какая-то не слишком умная шутка, какой-то сложный розыгрыш, и Максиму пришлось приручать ее, как пугливое дикое животное. Но он оказался терпелив, искренен и добр, так что теперь, в первой половине теплого, дождливого сентября, процесс приручения давно остался позади – они уже полгода жили вместе, и именно Максим, а вовсе не Нина, первым начал поговаривать о необходимости как-то оформить эти отношения. Она считала штамп в паспорте пустой формальностью, пережитком так называемой социалистической морали – по крайней мере на словах, – но Соколовский настаивал со свойственной ему обходительной твердостью, против которой женщина оказалась бессильна. Так что с некоторых пор Нина Волошина стала невестой.

Она фыркнула, представив фату на своих огненно-рыжих волосах. Невеста... Это же курам на смех!

На самом-то деле это было не смешно. Мысль о скорой свадьбе, как всегда, заставила сердце сладко замереть. Ну и что с того, что ей уже тридцать шесть? Люди женятся и в девяносто. Главное, сразу же родить ребенка, а то потом может стать действительно поздно. Она уже как-то свыклась с мыслью, что ребенка у нее не будет, а если будет, то растить его придется в одиночку, без отца. Но Максим думал иначе.

Отложив расческу, Нина плотнее запахнула халат и вышла из комнаты. В прихожей уже пахло свежесваренным кофе; этот бодрящий аромат смешивался с запахом табачного дыма: орудуя у плиты, Максим, как обычно, дымил натошак. Это была одна из его многочисленных холостяцких привычек, от которой он даже не думал отказываться, утверждая, что выкуренная натошак сигарета бодрит лучше любого кофе.

Дверь кухни была прикрыта; сквозь рифленое матовое стекло виднелись уютное сияние скрытых ламп, освещавших рабочую поверхность и плиту, и расплывчатое, все время меняющееся цвета пятно телевизионного экрана. Нина открыла дверь.

Соколовский стоял у плиты, привалившись к ней боком, и курил, пуская дым в жестяной колпак работающей вытяжки. Медная турка оставалась на плите, хотя газ под ней уже не горел, и над ее испачканным кофейной гущей краем курился легкий ароматный пар. Гудение вентилятора и голос телевизионного диктора заглушили шаги Нины, и, когда она переступила порог, Максим даже не обернулся. Его внимание, как это часто случалось, было целиком приковано к телевизору.

Нина взглянула на экран и сразу же отвернулась. Она не понимала, как можно показывать людям такие вещи с утра пораньше, в самом начале рабочего дня. Собственно, вечером, когда человек устал и хочет отдохнуть, подобный сюжетец тоже вряд ли поднимет ему настроение. Что ж, остается признать, что, если не отнимать у телевизионщиков их хлеб насущный, единственный способ сохранять хоть какой-то оптимизм заключается в том, чтобы вообще не смотреть новости. Обычно Нина Волошина так и поступала, но вот Максим придерживался

на этот счет противоположного мнения. Ну, так ведь иначе и быть не могло! Не интересуясь новостями, он никогда не стал бы тем, кем являлся теперь...

– ...Глава одной из московских фирм Игорь Семичастный, считавшийся пропавшим без вести, – с профессиональным безликим напором вещал за кадром молодой женский голос. На экране показывали завалившуюся носом в кювет дорогую иномарку, из которой люди в форменных комбинезонах Центроспаса извлекали безвольно обмякшее тело мужчины. – Бизнесмен пропал около полутора месяцев назад, и о нем не было никаких известий до тех пор, пока вчера поздно вечером его тело не обнаружили на обочине загородного шоссе в двадцати километрах от Москвы. По предварительному заключению врачей «Скорой помощи», Семичастный умер от сердечного приступа, сидя за рулем своего автомобиля. Потеряв управление, иномарка съехала в кювет. К счастью, движение на шоссе в это время было не слишком интенсивным, и во время происшествия никто из участников движения не пострадал...

Максим нервно раздавил в пепельнице окурок, обернулся и увидел Нину.

– О! – воскликнул он, выключая телевизор. – Мое солнышко взошло!

– Вон твое солнышко, – указывая на погасший экран, возразила Нина. – С ним ложишься, с ним встаешь... Как ты можешь смотреть такие гадости в шесть утра?

Она уселась за стол и первым делом выцарапала из лежавшей с краю открытой пачки сигарету.

– Натощак, – с укоризной заметил Максим, давая ей прикурить от зажигалки.

– С кем поведешься, от того и наберешься, – сообщила Нина, ловя кончиком сигареты дрожащий огонек.

Сигарета была мужская, чересчур для нее крепкая, особенно спросонья, но горький, едкий дым действительно бодрил лучше любого кофе. Максим ухмыльнулся, убрал зажигалку, высыпал содержимое пепельницы в мусорное ведро и поставил пепельницу перед Ниной.

– А если бы я по утрам имел обыкновение выпивать пару бутылок пива с вяленным лещом? – поинтересовался он, возвращаясь к плите.

– Тогда все было бы по-другому. Ты бы тогда собирал не новости, а пустые бутылки или, скажем, картонные коробки, а на моем месте сейчас сидела бы этакая краснолицая герл с фонарем под глазом и с четырьмя зубами во рту. Возможно, она бы даже смотрела вместе с тобой сюжеты про найденных в кювете покойников и была бы этим очень довольна... Впрочем, тогда бы у тебя не было телевизора, да и интересовали бы тебя не покойники, а свалки бытовых отходов...

– Да, – задумчиво произнес Максим, разливая по чашкам дымящийся кофе, – мое солнышко сегодня встало в тучках... Должен тебе заметить, что далеко не каждый любитель пива с вяленным лещом – пропойца. Один из моих многочисленных работодателей, например, просто обожает дернуть с утра пораньше холодненького пивка. Правда, только по выходным. Заправится за завтраком, а потом садится в кресло с газетой и дремлет там целый день. Подремлет-подремлет, потом проснется, выпьет еще бутылочку, почитает с полчаса и опять закемарит...

– Чудеса, – сказала Нина, с благодарным кивком принимая горячую чашку.

– Чудеса, – согласился Максим, ставя на стол свою чашку и усаживаясь напротив. – Мир ими полон. Ты не знала? Поверь, это так. Вот только что, как раз когда ты вошла, мне сообщили об очередном чуде...

Нина поморщилась, бросив неприязненный взгляд на молчащий телевизор.

– Да, – верно истолковав эту пантомиму, согласился Максим. – К сожалению, чудеса бывают не только радостные и светлые. Я бы даже сказал, что современные чудеса чаще всего как раз противоположного свойства – они темные и мрачные...

– Ну, и что же в них тогда чудесного?

– Как «что»? Из-за своей мрачности они ведь не делаются менее удивительными!

Нина глотнула кофе, затянулась сигаретой и приняла вызов.

– Не понимаю, что удивительного и тем более чудесного ты увидел в человеке, который умер от инфаркта прямо за рулем!

– Это смотря какой человек, – возразил Максим. – Во-первых, я его немного знал. Здоровье у него было прямо-таки бычье, уж ты мне поверь. А во-вторых, как-то все это очень странно. Это ведь не писатель какой-нибудь, не музыкант и не праздношатающийся прощельга, а бизнесмен, глава солидной фирмы. То есть человек в высшей степени деловой и ответственный. И вот этот человек в один прекрасный день исчезает без следа, никого ни о чем не предупредив, не поставив в известность о своих планах. Исчезает, заметь, вместе со своим «мерседесом» на целых полтора месяца. Дела стоят, персонал фирмы не знает, что и думать, обращается в милицию, в ФСБ, разве что Богу не молится... Его ищут по всей стране, его портреты есть во всех отделениях милиции, номер его машины известен каждому инспектору ДПС от Москвы до самых до окраин. И – ничего. Как в воду канул. И вдруг объявляется в двадцати километрах от столицы. Мертвый. За рулем.

– Подумаешь, – сказала Нина. – Мало ли что! Может, у него был запой. Или, как теперь говорят, сдвиг по фазе. Временный. А потом пришел в себя и решил, что пора возвращаться домой...

– Есть несколько нюансов, – сказал Максим. – Во-первых, откуда он взялся? Новенький «шестисотый» – не иголка. Он полтора месяца в розыске, понимаешь? Откуда бы он ни ехал, его по дороге к Москве остановили бы непременно. И может быть, не один раз.

– А откуда ты знаешь, что его не останавливали?

– Гм, – сказал Максим. – А у тебя, солнышко, голова светлая не только снаружи... Слушай, бросай ты свою архитектуру! С твоими способностями рисовать коттеджи для вчерашних бандитов просто грешно! У меня есть знакомые, с которыми можно поговорить...

– Да не хочу я к твоим знакомым, – сказала Нина.

– Это почему же? Жаль бросать «застывшую музыку»?

– И это тоже.

– Так ведь та «музыка», которую ты сейчас исполняешь, это не Моцарт и даже не Максим Дунаевский. Это, солнышко ты мое, от силы «Мурка», на большее ваши коттеджи с саунами и тигриными вольерами просто не тянут...

– Ну, знаешь! Твоим опусам тоже далеко до «Войны и мира»! И даже до «Как закалялась сталь».

– М-да, – озадаченно сказал Максим.

– Ага, – засмеялась Нина, – задумался, любимец муз и Аполлона! Что, уела я тебя?

– Еще как. Я же говорю, у тебя светлая голова. Так вот, насчет Семичастного...

– Опять ты об этом!

– Извини. Просто я подумал: а вдруг ты мне еще что-то подскажешь? Я же не сообразил насчет того, что его действительно могли сто раз остановить по дороге. А ты сообразила. Может, еще что-нибудь сообразишь?

– Например?

– Ну, например, почему он такой мятый, обрюзгший и небритый, что это видно даже издали и по телевизору...

– Запой, – повторила свое предположение Волошина.

Этот разговор был ей неприятен. Но он интересовал Максима, да и потом, о чем еще им было говорить за утренним кофе – о фасоне свадебного платья?

– Запой или сдвиг по фазе, – задумчиво дополнил Максим. – Ладно, допустим. Тогда еще один вопрос. Представь себе: вечер, пустое загородное шоссе, новенький «мерседес», за рулем которого сидит опытный водитель, обожающий быструю езду... Как ты думаешь, с какой скоростью он ехал?

– Думаю, что с большой, – не понимая, к чему этот вопрос, осторожно предположила Нина.

– А я думаю, что с огромной, – сказал Максим. – И вот на этой огромной, пускай даже просто большой, скорости с ним случается сердечный приступ. Машина теряет управление и слетает в кювет... Ты ее видела, правда? Похожа она на машину, слетевшую с дороги на скорости хотя бы сто километров в час?

Нина потушила в пепельнице окурок, глотнула кофе. Своими глазами видеть машины, на большой скорости сошедшие с дороги, ей не приходилось, но она приблизительно представляла, как это должно выглядеть. «Мерседес» Семичастного, пять минут назад мелькнувший на экране телевизора, ни капельки не напоминал нарисованную ее воображением жуткую картину. Он был целехонек, как будто в кювет его осторожно скатили, а то и вовсе бережно опустили подъемным краном.

– А может, он успел затормозить, – сказала она, наконец-то найдя лазейку. – Если, как ты говоришь, он был опытным водителем, мог просто сработать рефлекс.

– На асфальте не было тормозного следа, – возразил Максим.

– Это что, передали по телевизору?

Соколовский рассмеялся, хотя и не очень весело.

– Молодец, – похвалил он. – Я же говорю: светлая голова! А главное, запутать тебя нелегко. Нет, по телевизору этого не передавали, и я понятия не имею, был там тормозной след или нет.

– У меня такое ощущение... – сказала Нина. – Даже не знаю, как объяснить. Если бы не знала тебя, обязательно подумала бы, что ты пытаешься раздуть сенсацию... Извини. В конце концов, может, ты и прав. Но что толку переливать из пустого в порожнее? Для тебя же не составит никакого труда позвонить в ГИБДД и узнать, был там тормозной след или нет!

Соколовский с грустной улыбкой покивал головой.

– Так может рассуждать только человек, далекий от журналистики, – заявил он. – Это было бы просто году этак в восьмидесятом и при условии, что я являлся бы спецкором газеты «Правда». Или программы «Время». А теперь... Ты что, всерьез думаешь, что там, в ГИБДД, все сидят и с нетерпением ждут, когда же им наконец позвонит вольный газетный стрелок Максим Соколовский?

– А что?

– Да ничего... Во-первых, по телефону со мной никто не станет разговаривать – просто бросят трубку, и дело с концом. А во-вторых, если предположить, что никакого тормозного следа там, на шоссе, не было, можно не сомневаться, что правды мне никто не скажет даже при личной встрече и даже за большие деньги.

– Почему?

– Потому что целехонький «мерседес» с покойником за рулем, лежащий в кювете и не оставивший за собой заметного тормозного следа, – это как раз и есть чудо. Притом такое, что его непременно нужно расследовать. А кому это надо? Машина принадлежала Семичастному, за рулем сидел он же. Смерть наступила от сердечного приступа... Очень мило! Обыкновеннейший несчастный случай. А что человек полтора месяца пропадал неизвестно где, а потом вдруг выскочил, как чертик из табакерки, и сразу же помер, не успев никому ничего объяснить, это, сама понимаешь, простое совпадение. Только вот мне почему-то кажется, что совпадение это слишком для кого-то удобно, чтобы быть случайным.

– Ну, знаешь! – с искренним возмущением воскликнула Нина. – Если так смотреть на вещи...

– Если так смотреть на вещи, – подхватил Максим, – можно выволочь на свет божий множество фактов, которые кое-кто предпочел бы надежно похоронить. Если так смотреть на вещи, можно надеяться, что в конечном итоге мир, в котором мы живем, станет чуточку чище,

светлее и прозрачнее и чудеса в нем начнут случаться не только такие, от которых с души воротит.

– А если выяснится, что ты ошибся? – спросила Нина, поняв, что у Максима уже все решено и отговаривать его бесполезно.

– Я буду рад, – серьезно ответил он. – Или ты в самом деле думаешь, что смысл моей работы заключается в раздувании скандалов на пустом месте?

– Если бы я так думала, я бы с тобой не спала.

Максим опять усмехнулся, на этот раз немного веселее, и залпом прикончил кофе.

– Знаешь, – сказал он задушевым тоном, – ты только что сделала довольно потешное заявление. Во всяком случае, по форме. Однако я, как матерый журналист, привык, что называется, смотреть в корень и понял, что ты имела в виду. Поэтому отвечу тебе не менее потешным заявлением. Ты часто спрашиваешь, что такого я в тебе нашел. Так вот, отвечаю: вот это самое и нашел.

– Что? То, что я не сплю с раздувателями дешевых сенсаций?

– Н-ну-у... В общем и целом – да. В самом широком смысле.

– А как-нибудь поконкретнее ты не можешь объяснить?

– Могу, – сказал Максим, глянул на часы и вскочил. – Мать моя, времени-то сколько!.. Ну-ка, бегом наводить красоту, если хочешь, чтобы я тебя подвез!

– Торопишься? – не без огорчения спросила Нина, как будто это не было видно и так.

– Очень, – подтвердил Максим. – Долг требует, чтобы я до захода солнца раздул пару-тройку сенсаций – по возможности, сама понимаешь, здоровых, потому что нездоровые дешевле, и, если раздувать их, норму придется увеличить самое меньшее вдвое. А когда дневное светило сядет, я непременно дам тебе более узкое, специализированное объяснение по поводу качеств, которые привлекают меня в твоей персоне.

– Эту бы грозу да на ночь, – с лукавой улыбкой сказала Нина, поднимаясь из-за стола.

– Все тебе будет – и ночь, и гроза, – с напускной свирепостью пообещал Максим.

Обещанию этому не суждено было сбыться, но в тот момент, в половине седьмого сырого и туманного сентябрьского утра, ни он, ни его невеста об этом даже не подозревали.

Глава 2

– Елки-палки, – Глеб Сиверов осторожно поставил на стол дымящуюся чашку с черным, как отвар каменного угля, и крепким, как динамит, утренним кофе. – А ведь я его, кажется, видел!

– Кого? – рассеянно спросила от плиты Ирина, бросив через плечо мимолетный взгляд на экран телевизора.

На экране в данный момент красовалось изображение криво завалившегося в неглубокий придорожный кювет «мерседеса», из которого спасатели в исполосованных световозвращающими нашивками комбинезонах как раз вытаскивали тело водителя.

– Не кого, а что, – поправил Глеб. – Вот этого «мерина» я вчера вечером видал. Я как раз проезжал мимо, когда он в кювет скатился.

Ирина повернулась к нему лицом, временно оставив без внимания аппетитно скворчащую на сковороде яичницу.

– И ты не остановился? – с искренним изумлением спросила она.

Сиверов отрицательно помотал лохматой со сна головой, отхлебнул кофе и пожал плечами.

– Мне показалось, что в этом нет необходимости, – сказал он, видя, что не удовлетворенная этой пантомимой Ирина продолжает испытующе смотреть ему в лицо.

– Как это «нет необходимости»? На твоих глазах случилась авария, а ты...

– Да не было никакой аварии! – Глеб сердито отодвинул пустую чашку и сунул в зубы сигарету. – Скорость у него была километров десять в час, не больше, может быть, даже пять. Ну, словом, то ли только что тронулся, то ли вот-вот остановится... И вдруг, представь себе, поворачивает и так это аккуратненько, на тормозах, сползает в кювет.

– Что?!

– Представь себе.

– Все равно надо было остановиться, – безапелляционно заявила Быстрицкая, снова поворачиваясь к мужу спиной и ловко поддевая лопаткой глазунью. – Не закуривай, яичница уже готова. Если бы ты остановился и помог ему, он мог выжить.

– Видишь ли, – сказал Глеб, послушно кладя незажженную сигарету поперек пачки, – я хотел остановиться и даже начал притормаживать. Сама понимаешь, смотрю в зеркало: как там наш пострадавший? А пострадавший, вообрази себе, преспокойно открывает дверцу и выходит из машины. Ну, я решил, грешным делом, что это либо пьяный, либо обколотый, либо какая-то новая разновидность дорожной подставы, и поехал себе дальше...

– погоди, – сказала Ирина, держа на весу тарелку с яичницей. – Как это «вышел»?

– Да, – сочувственно сказал Глеб, – в свете только что прозвучавшей информации о состоянии его здоровья это представляется немного странным. И тем не менее... Ты же знаешь, я неплохо вижу в темноте. Именно вышел. И пошел.

– Куда пошел?

– К багажнику. Я, помнится, еще подумал, что за буксирным тросом. Съехать-то легко, сама понимаешь, а вот обратно без буксира уже не выберешься. Я бы его вытащил, если бы не видел, как он туда съезжал. Странно съезжал. Явно нарочно. Ну, я запомнил номер на тот случай, если в свежей сводке появится что-нибудь вроде вооруженного ограбления на этом участке шоссе, а вместо ограбления – изволь, смерть от сердечного приступа. Только, сдается мне, за рулем сидел совсем не тот человек, которого они оттуда вытащили.

Ирина аккуратно, почти без стука, поставила перед ним тарелку, взяла с плиты еще горячую сковороду и вместе с лопаткой положила в раковину – тоже аккуратно, в самый последний момент подавив желание с грохотом ее швырнуть. Господи, ну что за жизнь?! К этому просто

невозможно привыкнуть. Казалось бы, всякого навидалась, ко всему притерпелась и научилась ничему не удивляться. Но где там! Стоит только начать успокаиваться, как тебе тут же подносят очередной сюрприз.

– Если б я была президентом, – сказала она, пуская в раковину горячую воду, – обязательно запретила бы показывать такие вещи по утрам, когда люди завтракают.

– Если б я был султан, я б имел трех жен, – прокомментировал это заявление Сиверов, с аппетитом уплетая яичницу с колбасой.

– У тебя и до одной-то руки не доходят, – заметила Ирина, смывая со сковороды жир.

Новости кончились, и Глеб наконец выключил телевизор.

– Грешен, – сказал он с набитым ртом, – каюсь. Постараюсь исправиться.

– Обещал пан кожух, – сказала Ирина.

Сиверов положил вилку на край тарелки и осторожно покашлял в кулак.

– Что это с тобой? – спросил он. – Чем я успел провиниться с утра пораньше?

– Не ты, – сказала Быстрицкая. Она закрыла кран и присела за стол, рассеянно вытирая руки подолом фартука. – Не ты, а твой дурацкий телевизор. Чудо двадцатого века! Просто волосы дыбом становятся, как подумаешь, сколько труда и таланта потрачено, чтобы соорудить машинку, которая по утрам портит людям настроение.

Какое-то время Глеб внимательно и с некоторым удивлением разглядывал жену, а потом молча вернулся к еде. Ирина налила себе кофе и принялась мастерить бутерброд. Она намазала кусок хлеба сливочным маслом и как раз пристраивала сверху ломтик сыра, когда Сиверов заговорил снова.

– Ты, кажется, решила, что вся эта чепуха сулит нам какие-то неприятности, – сказал он.

– Не нам, – возразила Ирина. – Мне.

– Тебе? – изумился Сиверов, но тут же спохватился. – Ах, ну да, конечно. Предполагается, что я получаю от своей работы удовольствие, а тебе от нее одно беспокойство... – Он замолчал, почувствовав, что говорит лишнее, подцепил на вилку кусочек поджаренной колбасы, отправил его в рот, прожевал и проглотил вместе со своим внезапно и несвоевременно проснувшимся раздражением. – Забудь об этом, – сказал он. – Это совсем не моя епархия. Хотя случай, согласись, небезынтересный.

– Не понимаю, что в нем интересного.

– Так уж и не понимаешь, – усмехнулся Глеб и, опустив глаза в тарелку, целиком сосредоточился на яичнице.

Жуя бутерброд и прихлебывая кофе, Ирина постаралась понять, что имел в виду муж. Она представила себе пустое ночное шоссе и медленно катящийся по обочине дорогой «мерседес». Вот он сворачивает направо и медленно, осторожно, озаряя темноту короткими вспышками тормозных огней, потихонечку сползает в кювет. Двигатель выключается, из машины выходит водитель и, оскальзываясь на заросшем сырой травой склоне, движется к багажнику. А через какое-то время за рулем этого самого «мерседеса» находят совсем другого человека, который умер от сердечного приступа и которого, между прочим, уже полтора месяца считают пропавшим без вести.

Картинка получалась довольно красноречивая, и Ирина поняла, что имел в виду Глеб, когда назвал этот случай небезынтересным. Еще она подумала, что как-то незаметно для себя переняла образ мыслей мужа, склонного в каждом непонятном или странном происшествии видеть криминальную подоплеку. Ну конечно! Естественно, это было убийство, замаскированное под несчастный случай! А как же иначе? И к багажнику водитель пробирался вовсе не за буксирным тросом, как поначалу подумал Глеб. Там, в багажнике, лежало тело похищенного полтора месяца назад бизнесмена Семичастного. Выкуп за него, наверное, не заплатили, вот похитители его и прикончили с помощью какого-нибудь купленного на черном рынке секрет-

ного препарата. А может, он просто скончался там, у них, не выдержав плохого обращения, а то и просто с перепугу...

От всех этих мыслей аппетит пропал окончательно, и Ирине пришлось сделать усилие, чтобы доесть бутерброд. Пропади все пропадом! Почему первым делом обязательно надо предполагать что-нибудь в этом роде? И на чем это предположение основано? На том, что Глебу почудилось, будто он видел около машины совсем не того человека, труп которого только что показали по телевизору. Видел мельком, в боковом зеркальце движущейся машины, да еще и в темноте. Мудрено ли в таких условиях что-то перепутать? Просто этот Семичастный, наверное, хранил аптечку в багажнике, как это сейчас многие делают. Почувствовал себя плохо, хотел остановиться, не справился с управлением и скатился в кювет. Полез в багажник за лекарством, а его там не оказалось. Или оно не помогло. Вернулся за руль, присел, хотел отдышаться, перетерпеть, да так и умер, сидя за рулем... А где он пропадал полтора месяца – это его, бизнесмена Игоря Семичастного, личное дело...

– Я, наверное, перепутал, – сказал Глеб, старательно подчищая хлебной коркой остатки размазанного по тарелке яичного желтка. – Все-таки там было темно.

Ирина замерла и секунды две-три сидела неподвижно, борясь с вернувшимся желанием что-нибудь швырнуть. Неужели прочесть ее мысли так легко?

Еще она подумала, что тему разговора пора менять, пока дело не дошло до ссоры. Это было что-то новенькое – ссора, возникшая буквально из ничего, на пустом месте, во время раннего завтрака. Раньше подобного не случалось, и Быстрицкой совсем не нравилось такое, с позволения сказать, новшество. Да, нужно было срочно поговорить о чем-то другом, по возможности нейтральном, вот только она никак не могла придумать о чем.

– А что твоя Волошина? – рассеянно поинтересовался Глеб, наливая себе вторую чашку кофе. – Все еще живет с этим шелкопером?

Ирина закусил губу, отметив про себя, что муж уже во второй раз на протяжении какой-нибудь минуты угадал ее мысли, да так ловко, словно она не думала, а говорила вслух. То есть это он второй раз дал понять, что знает, о чем она думает. А сколько раз он промолчал?

Впрочем, воспоминание о Волошиной, как обычно, вызвало у нее улыбку. Нина нравилась Ирине, хотя близкими подругами они никогда не были – так, перебрасывались парой фраз, когда на работе выдавалась свободная минутка, да изредка сидели рядом на собраниях, тихонечко, на коленях, листая журналы мод.

– Почему шелкопер? – вступилась она за жениха Нины, с которым не была знакома. – По-твоему, все журналисты подонки?

– Ну-ну, – сказал Глеб, – я этого не говорил. Я, как тебе должно быть известно, вообще не склонен к обобщениям. Особенно к таким.

– И правильно, – сказала Ирина. – Тем более что этот Соколовский, насколько мне известно, вполне приличный дядька.

– Согласен, – сказал Сиверов, которому в силу несчастливого стечения обстоятельств до сих пор ни разу не встречались «приличные» журналисты, а только, наоборот, исключительно неприличные – те самые, что как нельзя лучше подходили под определение «подонки». – Беру «шелкопера» обратно. Я читал его статьи, это буквально эталонные образцы настоящей современной журналистики...

– Прекрати паясничать, – потребовала Ирина.

– Но статьи действительно очень неплохие – умные, грамотные и с виду даже как будто честные. Может, он и в самом деле приличный дядька, не знаю. Да бог с ним! Я ведь просто спросил, как у них дела.

– Подали заявление, – сообщила Ирина с непонятной Глебу гордостью, как будто это она сама, а не ее коллега собралась замуж. – Через месяц свадьба. Имей в виду, мы с тобой приглашены.

Сиверов отреагировал на это сообщение именно так, как можно было предвидеть.

– М-да? – довольно кисло переспросил он и уставился в чашку.

– Перестань, – сказала Ирина. – Нельзя же обижать людей только потому, что ты у меня бука и не любишь бывать в компаниях!

– Да, – напыжившись, с преувеличенным достоинством подтвердил Глеб, – я такой. Всем компаниям предпочитаю твою. Но если тебя это не устраивает...

– Перестань, – повторила Ирина. – Народу будет немного, люди все воспитанные...

– Один я невоспитанный, – объявил Сиверов. – Они хоть знают, с кем им придется сидеть за одним столом?

– Нина знает, что ты сотрудник торгпредства, – ответила Быстрицкая, – а остальным до тебя и дела нет.

– Торгпредства? – развеселился Глеб. – Где?

– Например, в Норвегии.

– А почему не в Африке? В Африку хочу!

– Тогда начинай посещать солярий. Как, спрашивается, я объясню людям, почему ты приехал из Африки бледный, как... как...

– Поганка, – подсказал Глеб. – Бледный, как поганка.

– И такой же ядовитый, – закончила за него Ирина. – Я тебя очень прошу, ты хотя бы там, на свадьбе, не скорпионничай. Что обо мне люди подумают?

– Подумают, что у тебя муж – мировой мужик, хотя и не интеллектуал, – пообещал Сиверов. – Я напьюсь и буду громче всех кричать: «Горько!» А потом пойду плясать вприсядку. Возможно, даже на столе.

Давая это шутивное обещание, Глеб Сиверов понятия не имел, что в ту же минуту человек, о котором они с Ириной только что говорили, дает Нине Волошиной другое обещание – такое же шутивное и такое же невыполнимое.

– Да ну тебя!

Быстрицкая невольно фыркнула, представив мужа пляшущим вприсядку среди тарелок и блюд на покрытом праздничной скатертью свадебном столе. Более неправдоподобное зрелище было трудно себе вообразить.

Глеб допил кофе, покосился на часы и все-таки закурил сигарету, которая до сих пор лежала поперек открытой пачки.

– Насчет твоих знакомых, – сказал он тем самым делано безразличным тоном, который Ирина всегда сразу узнавала и очень не любила. – У меня такое ощущение, что я тут наговорил лишнего. Ну, ты понимаешь – насчет этого «мерседеса», Семичастного и прочей чепухи. Не хотелось бы, чтобы... э...

– Можешь не продолжать, – сказала Ирина. – Я не разношу глупые слухи. Даже те, которые дошли до меня от старушек в очереди, а не от моего глубоко засекреченного мужа.

– Вот и отлично, – сказал Глеб, сделав вид, что не заметил прозвучавшей в словах жены горькой иронии. – Спасибо тебе. Я имею в виду, за яичницу. Это тот самый случай, когда ее очень легко перепутать с божьим даром.

Ирина рассмеялась. Настоящего веселья в ее смехе не было, но она прекрасно понимала, что муж ни в чем не виноват. В самом деле, стоит ли сердиться на близкого человека только из-за того, что тебе с утра пораньше испортил настроение телевизор?

Через полчаса Глеб уже вез ее на работу, по дороге охотно и красноречиво делиась ценными сведениями из истории духовно-рыцарского ордена тамплиеров, которыми не так давно поневоле обогатил свою память.

* * *

В пасмурном свете раннего сентябрьского утра рубчатый бетон взлетно-посадочной полосы казался белым, как обглоданная ветрами кость. Из жемчужно-серой дымки уже проступили угловатые очертания диспетчерской башни и приземистые силуэты дальних ангаров. Предутренный туман еще путался в серо-желтых стеблях росшей на летном поле, до желтизны выгоревшей травы, но он редел буквально на глазах. Высокое небо над аэродромом уже начало наливаться ясной дневной голубизной, обещая солнечный, погожий денек. Длинный черный лимузин, на переднем крыле которого трепетал пестрый государственный флажок, в сопровождении джипа охраны прокатился по бетону и остановился на некотором удалении от сверкающего в первых лучах солнца «Ту-154». Вблизи самолет выглядел фантастически громадным, и то, что эта чудовищная машина может летать, казалось чьей-то неумной шуткой.

Водитель и охранник, одетые в одинаковые черные костюмы с белоснежными рубашками и темными галстуками, вышли из машины и замерли по обе стороны, похожие на деревянные изваяния. Их широкие скуластые лица, наполовину закрытые темными солнцезащитными очками, были абсолютно бесстрастны, густые черные волосы слегка отливали синевой, как вороненая оружейная сталь.

Пассажир остался в машине и лишь опустил тонированное оконное стекло. Он закурил и стал с терпеливой скукой смотреть на самолет, возле которого бродили какие-то люди в синих комбинезонах и стояла громоздкая оранжевая машина технической помощи. С той стороны доносились обрывки негромких разговоров да изредка глухо постукивал металл. Все люки самолета были открыты, из-под крыльев неопрятной бахромой свисали какие-то не то шланги, не то кабели – пассажир лимузина скверно разбирался в технике. Однако здесь, на аэродроме, он присутствовал именно как технический консультант, мнения которого всегда оказывалось достаточно, чтобы отменить полет.

Впрочем, все, что от него зависело, он сделал накануне, а сюда заехал перед отлетом в Москву, чтобы проверить, подтвердилось ли высказанное им предположение. Он-то знал, что не ошибся, но нужно было, чтобы начальник личной охраны этого их президента, явно метящего в монархи, лишний раз убедился во всем своими глазами и чтобы это произошло в присутствии консультанта. А то что-то он в последнее время смотрит не то чтобы волком, но как-то искоса, будто подозревает его в... э... Ну, да чего греха таить! В мошенничестве. В шарлатанстве. Каков наглец! Вот теперь пусть сам все увидит своими узкими степными гляделками и засунет свой поганый язык туда, где ему следует находиться. Жалко, что его хозяина при этом не будет, но тут уж ничего не поделаешь. Не потащишь же первое лицо государства в такую несусветную рань на аэродром только затем, чтобы он посмотрел, как начальника его личной охраны тычут плоской мордой в дерьмо!

Консультант курил, стряхивая пепел прямо себе под ноги, хотя к его услугам была вмонтированная в подлокотник уютного кожаного сиденья пепельница. Он равнодушно смотрел на сверкающий, разрисованный полосами цветов государственного флага, украшенный затейливым здешним гербом «Туполев». Ничего нового для него в этой картине не было. Контракт, согласно которому за очень солидное вознаграждение он был обязан периодически подвергать экстрасенсорному обследованию самолет главы государства – не только этого государства, но и парочки других, не говоря уж о личных воздушных судах некоторых олигархов, – продлялся уже дважды. Эти контракты приносили солидный доход, а главное – добрую славу, поскольку до сих пор консультант не ошибался ни разу. Приходилось прилагать определенные, и притом немалые, усилия, но дело того стоило.

Консультант знал, что сегодня этот самолет никуда не полетит. Во время вчерашнего обследования он обнаружил неисправность в системе подачи топлива. Какую именно, он ска-

зять не мог, поскольку «обнаружил» – не совсем то слово. Скорее, почувствовал, ощутил... Одним словом, предсказал. И нет ничего удивительного в том, что начальник охраны так на него косится. Он – прагматик до мозга костей, верящий только в смекалку, хитрость и силу оружия, и ему непонятно, как можно получать многотысячные гонорары за заявления типа: «Тут что-то не так с подачей горячего, может быть беда». Ему подавай экспертное заключение на двадцати пяти страницах, в котором описано состояние каждого шланга, каждого проводка системы зажигания, каждого винтика и кнопки... Как будто он сам хоть что-то в этом понимает! Ладно, дай только срок, получишь ты свое экспертное заключение...

Из открытого люка в серебристом, отполированном до блеска брюхе «Туполева» показались чьи-то ноги. Человек спустился на бетон по передвижной металлической лесенке на четырех толстеньких резиновых колесах. На нем был синий комбинезон техника, в лучах восходящего солнца поблескивала загорелая лысина в обрамлении нуждавшихся в стрижке седых волос. Спрыгнув с последней ступеньки, техник заметил лимузин, из окна которого его разглядывал консультант, и сразу же отвернулся, как будто это ему было неприятно. На грубом прямоугольном лице экстрасенса с густыми бровями и длинной, почти до бровей, прямой темно-русой челкой появилась легкая пренебрежительная улыбка: он презирал людей, которые сначала берут деньги, а потом стараются обвинить в собственной жадности других. Впрочем, личные моральные качества техника были тут, по большому счету, ни при чем: в той или иной мере консультант презирал всех людей без исключения. Он чувствовал себя настолько мудрее и старше всех этих бессмысленно копошащихся вокруг муравьев, что даже не сердился, когда его во всеуслышание обвиняли в шарлатанстве или пытались поймать на каких-нибудь финансовых махинациях вроде неполной уплаты налогов.

Техник подошел к стоящему поодаль, возле оранжевой аэродромной машины, инженеру в мятом пиджаке и рубашке с открытым воротом и стал что-то ему говорить. Инженер слушал внимательно, глядя при этом не на собеседника, а на открытый люк в брюхе самолета, и время от времени кивая головой. Потом он обернулся и бросил в сторону лимузина долгий, внимательный взгляд, в котором консультанту почудилось опасливое восхищение.

После этого инженер в сопровождении техника двинулся к машинам, причем как-то так, что было непонятно, куда, собственно, он держит путь – к лимузину или к джипу охраны. Губы экстрасенса снова тронула пренебрежительная усмешка: чтобы понять, что движет этим потрепанным типом в мятом пиджаке, не нужно было обладать способностью читать мысли. Он был виден насквозь и целиком, как положенное на ладонь стеклышко от наручных часов. По идее, доложить о результатах проверки следовало начальнику охраны – человеку, который по долгу службы нес ответственность за безопасность первого лица государства. Но и пройти мимо лимузина, в котором сидел ясновидец, не засвидетельствовав ему, чудотворцу, свое глубочайшее почтение, инженеришке было боязно. Вот он и рулил куда-то в просвет между багажником лимузина и радиатором джипа в надежде, что кто-нибудь придет ему, недотыкомке, на выручку.

Продолжая презрительно усмехаться, ясновидящий выбросил окурок в окно. От джипа навстречу инженеру уже шел, широко шагая, начальник охраны в сопровождении двух своих бойцов. Он не умел читать мысли, но обладал достаточным жизненным опытом, чтобы понять, какая проблема не дает покоя инженеру, и взял инициативу в свои руки – во-первых, в интересах дела, а во-вторых, наверное, затем, чтобы этот дурень не уронил его авторитет в глазах подчиненных, первым делом сунувшись к лимузину с изъявлениями благодарности. «Урод», – подумал ясновидящий, сам толком не зная, кого имеет в виду – начальника президентской охраны, инженера, ответственного за техническое состояние самолета, или техника, который только что, пару минут назад, подтвердил блестящее предсказание. Собственно, с его точки зрения, все они были уродами, неспособными разобраться даже в самых простых вещах.

– Поразительно! – донеслось до него восклицание инженера, адресованное начальнику охраны. Тот что-то спросил, и инженер в ответ широко взмахнул руками, как будто собираясь взлететь без помощи техники, которая опять его подвела. – В точности как и было предсказано! Трещина в трубопроводе. Микроскопическая. Но если бы в полете, под давлением, она увеличилась... Нет, об этом даже думать страшно!

«Трещина в трубопроводе, – подумал ясновидящий. – Вот, значит, что это было. Микроскопическая... Да, найти ее, наверное, было непросто».

Он посмотрел на техника. Техник стоял позади начальства, немного в сторонке, ссутулившись, опустив испачканные смазкой руки, и старательно держался к лимузину спиной. Ясновидящий подумал, что это он зря. На его месте любой нормальный человек пялился бы на такое диво дивное – экстрасенса, сумевшего обнаружить неисправность в огромном самолете, не подходя к нему ближе чем на десять метров, – во все глаза. А этот стоит спиной, как будто ясновидец для него обыкновеннейшая вещь, не вызывающая ни малейшего интереса. Как бы начальник охраны чего-нибудь не заподозрил. Дурак-то он дурак, но глаз у него наметанный, и хитер он, как старый лис...

Начальник охраны резко повернулся на каблуках и, по-прежнему широко шагая, направился к лимузину. Его скуластое восточное лицо с темной щеточкой усов над верхней губой и немного раскосыми глазами хранило всегдашнее бесстрастное выражение, но ясновидящий знал, что одержал очередную победу.

Он даже не подумал выйти из машины, когда начальник охраны остановился перед открытым окном.

– Вы были правы, – сказал охранник, наклонив к нему лицо, но глядя при этом поверх крыши автомобиля. – В системе подачи топлива действительно обнаружена неисправность.

– Да, – равнодушно сказал ясновидящий, поджигая новую сигарету, – трещина в трубопроводе. Я слышал.

– Разрешите выразить вам благодарность, – ровным, вежливым тоном, но явно через силу сказал начальник охраны.

– Не стоит. – Экстрасенс выпустил струю дыма не то чтобы прямо в лицо собеседнику, но и не совсем мимо. – Я просто выполнял свои договорные обязательства. То есть делал работу, за которую мне хорошо платят. В конце концов, – добавил он, решив, что этот узкоглазый урод будет ему полезнее как союзник, а не враг, – мы с вами делаем общее дело – обеспечиваем безопасность нашего работодателя. Каждый по-своему, но одинаково добросовестно.

– Я с вами полностью согласен, – сказал начальник охраны. По-русски он говорил почти чисто; можно было не сомневаться, что в свое время он учился в России и, наверное, успел дослужиться до офицерского чина еще в Советской армии.

– Прекрасно, – обычным пренебрежительным тоном сказал ясновидящий и щелчком сбил пепел себе под ноги, на пол салона. – Взаимопонимание очень важно при совместной работе. А теперь, когда оно достигнуто, я должен ехать. У меня сегодня еще масса дел в Москве.

– Покойников будете оживлять? – с неожиданно прорвавшимся сарказмом поинтересовался начальник охраны.

– Возможно. Кстати, не вижу в этом ничего смешного.

– Еще бы! Я и не думал смеяться. – На туго обтянутых бурой дубленой кожей скулах азиата вздулись и опали рельефные желваки. – Честно говоря, по-моему, это не смешно, а жутко. Я не христианин, но вы-то... Вам не страшно идти против Божьей воли?

– Прощу меня простить, – пробурчал ясновидящий. – У меня нет времени на теологические споры. Тем более что вы, по вашим же собственным словам, не христианин и не слишком хорошо разбираетесь в данном вопросе. Счастливо оставаться!

Ни один из них не сделал попытки протянуть на прощанье руку. Когда лимузин укатил, едва слышно пофыркивая глушителем и шурша покрывками по рубчатому бетону взлетной полосы, начальник охраны обернулся и долго смотрел в спину пожилому технику, который неторопливо возвращался к самолету. Глаза его, и без того узкие, нехорошо прищурились, превратившись в две черные щелки.

Глава 3

Небо над Москвой целый день было затянуто низкими сырыми тучами, из которых то и дело начинал сеяться мелкий скучный дождик. Погода при этом стояла теплая, и всякий раз, выходя из машины в сырое тепло городских улиц, Максим Соколовский думал, что в лесу сейчас должно быть полным-полно грибов. Плохо одетые люди в резиновых сапогах и дождевиках самого разнообразного фасона с усталым и гордым видом тащили от троллейбусных остановок и станций метро ведра, корзины и кошелки, набитые крепкими, как на картинке, ядреными боровиками и подосиновиками. Особенно много грибников было вблизи вокзалов; с завистью поглядывая на них, Максим мечтал пройтись по осеннему лесу рука об руку с Ниной. Ей-богу, это было бы здорово. Вот только дела...

«А ну их, эти дела, – с удивившей его самого веселой беспечностью вдруг решил Максим. – До конца недели подчищу хвосты, какие только смогу, а на выходные махнем за город. Зачем я дачу покупал – чтоб у мышей крыша над головой была? И вообще, для чего мы живем – дела делать, деньги зарабатывать? Да на что они сдались, эти деньги, если за делами их даже потратить некогда?»

Для очистки совести он прямо с утра съездил в ГИБДД и постарался разузнать подробности происшествия на загородном шоссе, во время которого погиб числившийся пропавшим без вести бизнесмен Семичастный. Как он и предполагал, выяснить что бы то ни было ему не удалось – от него отмахивались, отшучивались, а то и грубили, предлагая заняться каким-нибудь общественно полезным делом и не мешать людям работать. Не помогли ни знакомства в милицеских кругах, ни журналистское удостоверение, ни даже взятки – гибэдэдэшники стояли насмерть, не желая говорить о Семичастном и ссылаясь при этом на такие вздорные причины, как необходимость дождаться результатов медицинской и дорожной экспертиз.

В конце концов Максим отступился, махнув рукой на это странное происшествие, которое лишь с очень большой натяжкой можно было рассматривать как звено проводимого им в данный момент расследования. Фактического материала у него и без того было достаточно, гипотез тоже хватало; к сожалению, ни одна из них до сих пор не была подтверждена или хотя бы опровергнута. Максима это не особенно расстраивало: он не без оснований полагал, что опубликование задуманного им цикла статей поможет сдвинуть расследование с мертвой точки. Одну за другой умело преподнося эти самые гипотезы – а в таком умении равных Максиму Соколовскому не было, – он рано или поздно заденет неизвестных пока героев своего расследования за живое, и они так или иначе дадут о себе знать. Учитывая характер расследования, способ, которым они это сделают, обещал быть не самым приятным, но к риску Максим давно привык. Конечно, освещать в глянцевах журналов скандальную жизнь столичного бомонда безопаснее. Тебя могут обругать, могут разбить камеру или попытаться съездить по физиономии; если ты в погоне за сенсацией по глупости перегнешь палку, на тебя могут подать в суд, но не более того. Господи, до чего же это пошло и скучно! Года три назад в жизни Максима был непродолжительный период, когда ему в силу некоторых причин пришлось этим заниматься, и как раз тогда у него начались серьезные проблемы с выпивкой, вызванные именно скукой и отвращением к себе и к своей работе. Потом это прошло. Теперь жизнь у Максима Соколовского была куда менее спокойная и более опасная, но он все равно не мог без содрогания вспоминать о времени, проведенном в непрерывной беготне по светским тусовкам.

Да, теперь у него была совсем другая жизнь, другая работа. Он вовсе не рисовался, не пытался произвести впечатление, когда говорил Нине о грязи, которую сильные мира сего были бы рады схоронить по темным углам и которую он выволакивает на свет божий. Он не был настолько наивным, чтобы верить, будто его работа действительно сделает мир чище; что он

знал наверняка, так это то, что если не убирать, мир очень скоро захлебнется в грязи. Так это все и происходит: от неметеного пола и грязной посуды в раковине до дерьма на полу; от легкой кишечной инфекции до бубонной чумы; от единичных заказных убийств и финансовых махинаций до диктатуры и массовых репрессий, перед которыми бледнеют деяния Гитлера и Сталина...

В том, что делал Максим Соколовский, как он жил, не было даже намека на мрачное, натужное самопожертвование истово исповедующего какую-то идею фанатика – он просто работал и жил так, как считал нужным, как ему нравилось. А жить и работать ему нравилось, что называется, на всю катушку – так, чтобы потом, в старости, было что вспомнить. И чтобы вспоминал свои подвиги не ты один, и чтобы воспоминания эти были не только о том, как ты в пьяном виде вскарабкался на осветительную мачту стадиона и орал всякую чепуху, размахивая бутылкой пива.

Максим остановил машину перед железными воротами в кирпичном, аккуратно оштукатуренном заборе. Столбы забора были декорированы плиткой, имитирующей грубо отесанный гранит; сверху забор был накрыт красной глиняной черепицей, а ворота представляли собой ажурную кованую решетку ручной работы с очень сложным и красивым, явно созданным по оригинальному эскизу рисунком. По ту сторону ворот красовалось модное нововведение – высокий экран из молочно-белого матового стекла, пропускавший свет, но не позволявший случайным зевакам заглядывать во двор. Над воротами был устроен навес, из-под которого на машину Максима смотрел любопытный глаз следящей видеокамеры, а к каменному столбу слева от ворот было прикреплено переговорное устройство.

Выбравшись из машины, Соколовский нырнул под навес и нажал кнопку электрического звонка. Через короткий промежуток времени переговорное устройство ожило, и на маленьком дисплее зажглась красная светящаяся надпись «say». Максим без видимой причины вдруг раздражился по этому поводу: «Какого черта?! Конечно, английское «say» короче русского «говорите», ну и что с того? Жидкие кристаллы экономят? Если так, порылись бы в словарях: наверняка нашлось бы какое-нибудь экзотическое наречие, в котором это слово пишется еще короче... Или нарисовали бы соответствующий иероглиф – и дело в шляпе!»

– Моя фамилия Соколовский, – сказал он в микрофон. – Борис Григорьевич меня ждет, у нас назначена встреча на девятнадцать тридцать.

Пока Максим говорил, в голову ему пришла отрезвляющая мысль: полиглоты из фирмы, наострившейся клепать вот такие переговорные устройства, тут ни при чем. Вовсе не они послужили причиной его раздражения, а предстоящий разговор – вернее, собеседник, угнездившийся вот за этим забором с коваными воротами и англоязычным дверным звонком.

Помимо микрофона, в переговорном устройстве имелся динамик, но незримый страж ворот не стал утруждать себя соблюдением правил хорошего тона: устройство снова хрюкнуло, выключаясь, красная надпись на дисплее погасла, и створки ворот, дрогнув, начали медленно и беззвучно расходиться. Дождь, как назло, припустил сильнее; втянув голову в плечи и злясь оттого, что хамоватый охранник сейчас почти наверняка видит его скрюченную фигуру на своем мониторе, Максим бегом вернулся к машине, сел за руль, включил «дворники» и, когда те смахнули с ветрового стекла рябую завесу дождевых капель, резко бросил послушный автомобиль в открывшийся проезд.

Обогнув матовый защитный экран, он увидел дом – просторное приземистое сооружение в стиле «хай-тэк», похожее на беспорядочное нагромождение стеклянных кубов и параллелепипедов, стоящее на свежо зеленеющей лужайке в окружении аккуратно подстриженных кустов и вечнозеленых деревьев. Максим усилием воли заставил себя ослабить давление на педаль акселератора, чтобы обитатели этого стеклянного замка не заметили его раздражение, и плавно затормозил перед парадным крыльцом. Здесь его встретила некая личность в кимоно и веревочных сандалиях, фигурой и в особенности лицом напоминавшая не столько японца,

сколько украинца, все свое свободное время посвящающего несложному и в высшей степени увлекательному процессу перекачивания сала со свиных боков на свои собственные. Благоухая чесноком на весь двор, этот «японец» с ярко выраженным украинским акцентом сообщил, что Борис Григорьевич ждет, и предложил свои услуги в качестве провожатого.

Максим двинулся за ним, невольно задерживая дыхание и борясь с острым желанием прикрыть ноздри носовым платком: в закрытом помещении распространяемый «японцем» аромат чеснока был почти непереносимым.

Они миновали просторный, освещенный скрытыми лампами холл, где в огромном стеклянном аквариуме с морской водой стремительно и плавно перемещались три довольно крупные, не меньше полутора метров длиной, акулы, поднялись по короткой пологой лестнице и свернули в длинный коридор с потолком из матового стекла. Потолок мягко светился, и было непонятно, настоящий это дневной свет или искусственный. Вообще, домишко был мало того, что не из дешевых, так еще и очень стильный: тут можно было снимать хоть криминальную драму из жизни олигархов, хоть боевик по мотивам какой-нибудь компьютерной игры. Максим невольно припомнил утренний разговор с Ниной и подумал, что был не прав: российские архитекторы кое-что умеют. Ясно, что тут все решает заказчик; Нина сто раз жаловалась на клиентов, которые не мыслят себе особняков без средневековых башенок и сводчатых арок. Но, похоже, новые архитектурные веяния проникли даже в среду российских нуворишей – как говорится, не прошло и ста лет. Да, если сравнивать архитектуру с застывшей музыкой, данный конкретный образец тянул на что-нибудь посложнее «Мурки», и единственной диссонансной нотой в этой симфонии в стиле «техно» был шедший впереди Максима до отказа нафаршированный ядреным чесноком «японец».

Остановившись перед какой-то дверью, слуга деликатно постучал и, не дожидаясь ответа, вошел. Соколовский сунулся было следом, но провожатый остановил его жестом мясистой ладони и закрыл дверь буквально у него перед носом. Порядочки в этом доме царили еще те; впрочем, Максим уже давно привык к тому, что хорошие манеры за деньги не купишь. То есть купить-то их несложно: достаточно просто нанять человека, который растолкует тебе, валенку, в какой руке следует держать нож, а в какой вилку и как полагается встречать гостей, только вот обременять себя подобными мелочами хочет далеко не каждый. Нынче стало модным считать, что наличие у человека солидного капитала оправдывает все, в том числе и хамское поведение. И на любое замечание следует стандартный ответ: если ты такой умный, почему не богатый? И кто ты такой, чтобы я, занятой человек, перед тобой расшаркивался?

Максим опять ощутил нарастающее раздражение. Дверь была прикрыта неплотно, сквозь нее было слышно каждое произносимое в комнате слово, и от того, что слышал Соколовский, его раздражение только усилилось. «Опять нажрался, – доносилось из-за двери. – Дышать же нечем!» – «Зато для здоровья полезно», – отвечал «японец». «Да куда тебе больше здоровья? Тебя и так ломом не убьешь. Так и будешь жрать, пока не лопнешь... Кто там у тебя?» – «Журналист. Этот, как его...»

Максим, которому все это окончательно надоело, без дальнейших церемоний толкнул дверь, намереваясь решительно переступить порог. Эффект от его появления получился немного смазанным, поскольку дверь, немного приоткрывшись, ударила стоявшего прямо за ней «японца» точнехонько по хребту между лопаток. Толстяк, разумеется, не сдвинулся ни на миллиметр, так что в комнату журналисту пришлось не входить, а протискиваться боком, а потом еще и извиняться перед «японцем». Можно и, наверное, даже нужно было не извиняться, но Максим машинально пробормотал: «Прошу прощения».

– Максим Соколовский, – представился он, закончив начатую забывчивым «японцем» фразу. – Я работаю на несколько крупных столичных изданий, и мы с вами условились об интервью.

– Насколько я помню, ни о каком интервью мы не договаривались. Речь шла о предварительном собеседовании, – возразил хозяин. – Геть!

Последнее было адресовано «японцу», который, тщетно пытаясь потереть коротковатой жирной рукой ушибленное место между лопаток, боком обошел Соколовского, протиснулся в дверь и наконец-то испарился, оставив, впрочем, напоминание о себе в виде густого чесночного перегара. Этот аромат вынудил Максима снова пренебречь правилами хорошего тона и без приглашения сделать несколько шагов вперед, чтобы выйти за пределы «зараженной» зоны. Впрочем, хозяин, явно довольный тем, что удалось подловить журналиста на попытке выторговать вместо короткого, ни к чему не обязывающего разговора целое интервью, не обратил на это внимания; вероятнее всего, он его даже не заметил, полагая подобное поведение вполне естественным: если уж вошел, то нечего стоять на пороге!

Максим усмехнулся: как будто разговор, состоящий из вопросов и ответов, – не интервью! Ладно, пусть расслабится, это нам на руку...

Он тут же напомнил себе, что, в отличие от хозяина, не имеет права расслабляться. Его сегодняшний собеседник, при всей своей внешней неотесанности и почти нарочитой грубости, был далеко не дурак. Какими там экстрасенсорными способностями он обладал, неизвестно, однако сделанной им карьере можно было только позавидовать. Кто знал о нем десять лет назад, кто слышал это имя – Борис Грабовский? А теперь он известен по всему постсоветскому пространству, у него имеется собственный фонд, он, елки-палки, тестирует президентские самолеты, исцеляет неизлечимо больных и, по слухам, уже начал замахиваться на вещи, которые до него не пытался проделать никто, кроме Иисуса Христа! Даже если он никакой не экстрасенс, а просто ловкий мошенник (Максим Соколовский, по правде говоря, придерживался именно такого мнения), то, как ни крути, котелок у него варит, и благодумствовать в его присутствии не приходится.

– Можно, я присяду? – спросил Максим ввиду того, что хозяин явно не собирался ему это предложить.

– Да, садись, – как обычно не затрудняя себя элементарной вежливостью, буркнул хозяин. – Располагайся, пресса, в ногах правды нет.

Хлесткий, как пощечина, ответ буквально вертелся на кончике языка, но Максим сдержался. Он даже не стал по примеру хозяина переходить на «ты», решив, что рано или поздно этот тип свое еще получит. Так стоит ли в таком случае ему уподобляться? Максим молча уселся на мягкий, модных очертаний диванчик с яркой двухцветной обивкой.

– Диктофон? – как бы между делом осведомился хозяин, прикуривая торчащую в уголке большого, тяжелого рта сигарету. Лицо у него было грубое, прямоугольное, словно вытесанное из дубовой колоды неумелым дровосеком, который к тому же не удосужился перед началом работы наточить топор; прямая челка делала и без того не слишком высокий лоб совсем уж микроскопическим, глубоко посаженные глаза недобро посверкивали из-под нависающих бровей.

– При мне, – честно ответил Максим. – Но использовать его без вашего согласия я не стану.

– Почему?

– Существует такая вещь, как журналистская этика, – ответил Соколовский. – Кроме того, использование записывающей аппаратуры без ведома собеседника просто-напросто противозаконно.

– А ты у нас, значит, честный, – констатировал Грабовский таким тоном, словно Максим в его присутствии имел наглость утверждать, что является близким родственником российского президента или умеет летать без помощи технических средств.

– Смею надеяться, – сдержанно сказал Максим. Тон у хозяина был такой, что ему, строго говоря, следовало бы без долгих разговоров съездить по морде, но журналист приехал сюда не

драться, да и способов свести счеты с этим хамом в его распоряжении имелось предостаточно и без вульгарного рукоприкладства. – А по-вашему, честный журналист – это катахреза?

– А по-русски можно? – угрюмо буркнул Грабовский.

Максим снова усмехнулся, поскольку его маленькая месть удалась: этот умник, как и следовало ожидать, понятия не имел, что такое катахреза, несмотря на все свои широко разрекламированные ученые степени. Правда, тот факт, что собеседник прямо и открыто признался в своем невежестве, немного снижал радость победы: глуп не тот, кто чего-то не знает, а тот, кто упорствует в своем невежестве, отказываясь его признавать.

– Катахреза – это совмещение несовместимых понятий, – сказал Максим.

– Латынь, что ли?

– Понятия не имею, – признался Соколовский, отметив про себя, что собеседник не из тех, кто подолгу остается в проигрыше. Он моментально сравнял счет; а главное, было совершенно невозможно определить, заметил ли он вообще, что счет ведется.

– Катахреза... – задумчиво повторил Грабовский. – Надо запомнить. Так, говоришь, диктофон у тебя выключен? Тогда скажу тебе как на духу: честных вообще не бывает. Что это такое – честность? Что это означает – быть честным? Всегда говорить правду? Для этого есть другие слова – например, откровенность. А еще – бестактность. Не брать чужого? Это не честность, это обыкновенное законопослушание. Вообще, так называемая честность – очень широкое понятие, и для каждой из его составляющих имеется свое собственное название. Никто не знает, сколько их всего, этих составляющих... вернее, не хочет знать. Потому что соответствовать им всем до единой человек просто не в силах. А несоблюдение одного-единственного пункта из этого длинного списка автоматически лишает права называться честным. Кто назовет честным лжеца, вора, убийцу? Может ли называться честным человек, занимающий должность, которой не соответствует? Врач-недоучка, безграмотный инженер, певец, выступающий под фонограмму, – каждый из них во всем остальном, кроме своей профессии, может быть милейшим человеком, но честен ли он?

– Бывают люди, которые честны во всем, – возразил Максим, неожиданно для себя задевший мизантропической речью хозяина. – Редко, но бывают.

– Не встречал, – возразил Грабовский, – но готов поверить на слово. И что это доказывает? Ты когда-нибудь задумывался, почему люди делают одно и не делают другого? А я тебе отвечу. Потому, что им так удобнее. Тебе удобнее быть компетентным, известным журналистом, чем, к примеру, плохим вором-медвежатником. Кому-то удобнее и проще пить не просыхая и собирать пустые бутылки, кому-то – планировать крупные террористические акции, а еще кому-то – являть собой образец кристальной честности и жить ради материального процветания и духовного совершенствования всего человечества. Никто не делает того, что противоречит его наклонностям, а значит, в конечном итоге печется прежде всего о себе, что свойственно всем без исключения живым организмам. Вот ты скажешь: а как же, к примеру, рабы? Которые родились рабами, и никто их, бедных, не спрашивал, хотят ли они быть рабами... Вроде у них и выбора-то нет... Ан есть! Можно быть ленивым рабом, можно быть хитрым рабом, можно быть хорошим рабом, ценным... А можно перестать быть рабом и, как это... умереть, сражаясь за свободу. И каждый выбирает, что ему по душе. Ну, и по силам, конечно.

Максим подавил зевок. Хозяин был банален; а впрочем, чего еще можно было ожидать от этого выскочки? Да и прославился он отнюдь не как мыслитель, его таланты расположены совсем в другой области...

– Странно слышать это от вас, – сказал Соколовский.

– Это почему же? – изумился хозяин. – Я что, по-твоему, не прав?

– В чем-то, несомненно, правы. Я только не понимаю, зачем вы говорите это вслух. Мне, журналисту, который того и гляди сделает ваши откровения достоянием широкой общественности.

– Ну, и что в этом такого? Если у меня есть дар, мне удобнее его применять и развивать, чем ломать собственную натуру... или пользоваться этим даром исподтишка, ради собственной выгоды.

– То есть играть на ипподроме, заранее зная, какая лошадь придет первой, или скупать выигранные лотерейные билеты?

– Например.

– А вы это можете? – заинтересовался Максим.

– Не знаю, не пробовал, – равнодушно ответил хозяин. – Как-то всё руки не доходили... Могу, наверное. Это ведь все равно что забивать микроскопом гвозди – кому это надо?

– Это следует понимать так, что ваша практика приносит доход, несоизмеримый с какими-то выигрышами на скачках или в лотереях?

– Я мог бы сказать, что это не твое дело, но шила в мешке не утаишь, – ответил Грабовский, с циничной полуулыбкой обведя рукой вокруг себя. – Да и к чему? Я не ворую, все мои доходы законны, как дыхание. А что они большие... Ну, вот взять тебя. Ты ведь тоже, прямо скажем, не голодаешь. А почему? А потому, что умеешь хорошо делать свое дело. Скажем, землю копать или двор мести умеют почти все, а вот найти интересный материал и грамотно его подать – на это далеко не каждый профессиональный журналист способен. Чем меньше людей умеют делать то, что делаешь ты, тем больше на тебя спрос, тем выше оплата. Хочешь зарабатывать столько, сколько я, – попробуй делать то же, что и я. Получится – я тебе первый поаплодирую, не получится – извини-подвинься.

– От каждого по способностям, каждому по труду, – пробормотал Максим. – Основной принцип социализма в действии, да?

– Представь себе. – Грабовский вольно откинулся в кресле, положив ногу на ногу. Под темным пиджаком на нем была белая рубашка с распахнутым воротом, полосатый галстук с петлей на конце, как мертвая змея, свисал с подлокотника. – Между прочим, этот принцип всегда действовал, так что эти теоретики марксизма-ленинизма на самом деле не изобрели ничего нового. Выпить хочешь? – спросил он неожиданно.

– Спасибо, я за рулем, – отказался Максим. – Да еще и на работе.

При этом он демонстративно взглянул на часы, но хозяин этого, казалось, не заметил.

– Ну какая это работа? – благодушно отмахнулся он, подавая вперед и наполняя граненую, антикварного вида стопку на коротенькой ножке из стоявшего на столе графина. – Вечер, два умных человека встретились, чтобы побеседовать и найти общий язык... Тут бы самое и выпить, а ты – работа, работа... Впрочем, как знаешь. Хочешь считать, что ты на работе, – считай на здоровье. А может, дело не в этом? Может, ты из этих... из идейных? Которые в доме врага не едят и не пьют? А? Может, я тебе враг?

Максим насторожился. О Грабовском ходило множество более или менее фантастических слухов, и один из них гласил, что Борис Григорьевич умеет читать мысли. Нельзя сказать, чтобы Соколовский относил собеседника к числу своих врагов, но и симпатии к нему не испытывал. Он понятия не имел, какими способностями обладает Грабовский на самом деле, но одного у него было не отнять: он мастерски умел делать деньги прямо из воздуха. А если допустить на минуту, что свои фантастические гонорары он все-таки получал не зря, получалось еще хуже: добра в Борисе Грабовском не чувствовалось, а сила без добра – злая сила...

– В общем-то, я за этим и пришел, – сказал Максим. – Чтобы выяснить, друг вы мне или враг.

Экстрасенс полупрезрительно хмыкнул и залпом выпил водку.

– А ты не много на себя берешь, свободная пресса? – поинтересовался он, жуя ломтик лимона. – Не кажется тебе, браток, что ты малость мелковат для того, чтоб быть мне другом, я уже не говорю – врагом?

«Ах ты, сволочь», – подумал Максим.

– Я не совсем точно выразился, – сказал он вслух. – Речь идет, разумеется, не о дружбе или вражде как таковой, а лишь о том, чтобы определить мое к вам отношение. Грубо говоря, разобраться, что такое хорошо и что такое плохо. А по поводу калибра моей персоны, – добавил он, не сумев удержаться, – я вам так скажу. Да, о вас говорят как о действительно крупной фигуре. Ну, так мало ли что о ком говорят? Бывает ведь и так, что в ящике из-под дальнобойных артиллерийских снарядов на поверку оказывается патрон от мелкокалиберной винтовки или пистон от детского пугача... а то и вовсе ничего, кроме кучки мусора да пары-тройки случайных букашек.

– Ха! – неожиданно развеселившись, воскликнул хозяин. – А тебе палец в рот не клади! Верно, верно, ничего не скажешь... Ты ведь не бывал на моих сеансах?

– Бывал, – сказал Максим, уверенный, что Грабовский об этом прекрасно знает.

– И что?

– И ничего. Я, знаете ли, очень неблагодарный материал для гипнотизеров и экстрасенсов, потому что обладаю врожденной устойчивостью к любым видам внушения.

– Так уж и к любым?

– Насколько мне известно, да. Чего только мне не пытались внушить! А какими методами! Вплоть до обработки спины и боков железными палками.

– И не подействовало?

– Как об стенку горох.

– Ай да ты, – с непонятной интонацией произнес Грабовский, снова наполняя свою стопку. – Молодец, ты мне нравишься. Чувствую, мы сработаемся.

– Там видно будет, – расплывчато ответил Максим.

– Это факт, будет. Твое здоровье. – Грабовский выпил, с шумом потянул носом воздух и зажег новую сигарету. – Ладно. Выяснить, говоришь? Давай, выясняй. Какие у тебя ко мне вопросы?

Список вопросов, которые Максим собирался задать этому человеку, был у него готов давным-давно и хранился не только в блокноте, но и в памяти – тренированной памяти опытного газетчика. Первым в этом списке значился вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах интервьюируемый впервые осознал, что обладает не совсем обычными способностями. Максим открыл рот, чтобы его задать и ввести тем самым разговор в прямое русло рутинного интервью, но неожиданно для себя самого вдруг спросил совсем не то, что собирался.

– Скажите, это правда, что вы можете оживлять мертвых?

Произносить этот бред было как-то неловко – язык не поворачивался, и пришлось преодолеть значительное внутреннее сопротивление. Сама постановка вопроса в принципе отрицала наличие интеллекта как минимум у одного из собеседников... а может быть, и у обоих. «Вы умеете оживлять мертвых?» – «О да, мне это раз плюнуть. А вы?» – «Я пока тренируюсь на мышках и лягушках, но что-то плохо получается. Может, заклинание неправильное?» В общем, как пелось в старой песне, «а я видела однажды, как зимой кусты сирени расцвели, как будто в мае»...

– Умею, – как ни в чем не бывало отозвался Грабовский, нимало не удивленный этим вопросом. Казалось, именно этого вопроса он ждал с самого начала и не видел ничего странного ни в оживлении мертвецов, ни в интересе, проявляемом к этой заведомой чепухе таким серьезным журналистом, как Максим Соколовский. – Только не оживлять, а воскрешать. Оживляют в реанимации. А я – воскрешаю.

– Вы это серьезно? – спросил Максим, стараясь не подавать виду, что огорошен только что прозвучавшим заявлением. «Он что, за дурака меня держит?» – пронеслось в голове.

– А мне с тобой шутки шутить некогда, – в своей фирменной хамской манере заявил провидец. – Я человек занятой, у меня дел невпроворот. Да, умею, представь себе. И воскрешают, и живут как миленькие. Есть, правда, одна недоработка: память у них отшибает начисто. Ничего

не помнят – ни кто они, ни что они, ни как их зовут. Я сейчас как раз над этим работаю, а то родственникам с ними, беспамятными, одна морока. Что такое? Что ты на меня так уставился?

– Простите, я просто удивлен. Согласитесь, такое услышишь не каждый день. А примеры привести вы можете?

Снисходительно усмехнувшись, чудотворец начал приводить какой-то пример. Максим машинально фиксировал в памяти каждое слово, думая в это время совсем о другом. Заявление Грабовского полностью перечеркнуло результаты расследования, которое Максим вел на протяжении последних шести месяцев. В свете этого заявления вся добытая информация выглядела совершенно иначе; факты вставали с ног на голову, а выводы сменялись прямо противоположными.

Впрочем, Максим Соколовский был достаточно опытен, чтобы знать: если какая-то случайность оказывается очень уж кстати или, наоборот, некстати, это означает, что на самом деле никакой случайностью тут и не пахнет. Просто совокупность твоих мыслей, слов и поступков – всех шагов, сделанных тобой в том или ином направлении, – изменила обстоятельства, и они сложились так, что в результате родилась вот эта самая случайность, счастливая или несчастливая, в зависимости от того, как ты действовал, в какую сторону выгибал линию судьбы.

В данный момент линия судьбы выгнулась в нужную сторону, и Максим мысленно поклялся не упускать Грабовского из виду, пока все не станет окончательно ясно.

* * *

Человек открыл глаза. Сидевшая напротив него пожилая полная женщина увидела, что он проснулся, и поспешно отвела взгляд. До этого она бесцеремонно ощупывала его небритую физиономию и мятую одежду, состоявшую из растянутых спортивных брюк с лампасами, черных, сильно поношенных полуботинок и матерчатой куртки защитного цвета. На лице женщины отображалось брезгливое недоумение по поводу того, каких только типов пускают в общественный транспорт. То обстоятельство, что сама она была одета в старенькое платье, изпод подола которого выглядывали ноги в дырявых шерстяных рейтузах и потрепанных полукедах, а также болоньевую куртку, впервые увидевшую свет на заре семидесятых годов прошлого века,нисколько не повлияло на ее мнение о соседке по электричке: она-то ехала на дачу, а значит, могла одеваться в обноски, которыми пренебрег бы даже бомж. А вот сосед ее, занимавший место у окна напротив, не имел при себе ни корзины, ни ведер, ни мешка, в который были бы завернуты грабли и лопата, – словом, ничего, что свидетельствовало бы о его принадлежности к славному племени пригородных ковырятелей земли. При нем вообще не было багажа; уловив исходившее от женщины неодобрение и испытав по этому поводу неловкость, причин которой не мог объяснить даже себе самому, молодой человек зябко поежился и засунул руки в карманы куртки. При этом обнаружилось, что в карманах у него тоже ничего нет, но это открытие оставило его вполне равнодушным: он не помнил, чтобы там, в карманах, хоть что-нибудь было. Честно говоря, он вообще ничего не помнил, и поначалу это обстоятельство его ничуть не удивило: он почему-то решил, что это спросонья и вот-вот пройдет.

Электричка бодро стучала колесами по стыкам, за окном зеленели уже слегка тронутые первой осенней позолотой неброские подмосковные пейзажи – перелески, березовые рощи, пригородные пассажирские платформы, домики путевых обходчиков. Утро выдалось серенькое, пасмурное, хотя дождя не было. В низинах еще стоял холодный ночной туман; слева за рябым от пыли оконным стеклом под размеренные вспышки красных огней и назойливое дребезжание звонка промелькнул переезд с опущенным шлагбаумом и терпеливо замершим перед этой преградой стареньким грузовиком. Под насыпью паслась рыжая лошадь; молодой человек увидел ее, но не сразу вспомнил, как называется это красивое крупное животное с грустными глазами. Потом вспомнил, что это именно лошадь, а не корова; слово «корова» поначалу

показалось ему пустым, хотя и смутно знакомым звуком, а затем память услужливо подсунула зрительный образ, и человек мысленно согласился: да, это вот она и есть – корова...

«Да, – подумал молодой человек, скользя равнодушным взглядом по неброским придорожным красотам, – что-то с памятью... Чего-то я не того вчера выпил. Насобачились водку из стеклоочистителя делать, черти! Так ведь и ноги протянуть недолго!»

Впрочем, данное рассуждение показалось ему довольно спорным. Можно не помнить, что ты делал после того, как выпил лишнего, но сам процесс употребления спиртного – по крайней мере, самое его начало, – обычно запоминается неплохо. Он же не помнил ничего – где, что, с кем и при каких обстоятельствах пил; он не помнил даже, пил ли вообще. Это тоже показалось ему странным: алкогольная амнезия – это такая штука, которую ни с чем не спутаешь, да и сопровождается она, как правило, целым букетом сопутствующих неприятных ощущений – тошнотой, жаждой, головной болью и гадким вкусом во рту. Ни одного из этих симптомов у молодого человека не наблюдалось; он просто ничего не помнил о вчерашнем дне. А если разобраться, то и ни об одном из предыдущих...

В душу начала закрадываться тревога. Молодой человек сделал попытку вспомнить хоть что-нибудь, но память оказалась такой же пустой, как и его карманы. Он помнил слова и названия предметов; он осознал, что едет в пригородной электричке, и, подумав, путем чисто логических умозаключений пришел к выводу, что электричка следует прочь из города. За окном буквально на глазах становилось светлее, стояло раннее утро, а в вагоне было полным-полно дачников. Ехали все они налегке, а значит, следовали не с дачи, а вот именно на дачу. Начало осени – пора сбора урожая, в это время с дачи налегке не очень-то поедешь...

Сидевшая напротив тетка с ярко накрашенными губами (молодой человек заметил, что нарисованные губы по размеру чуть ли не вдвое превосходят те, которыми наградила тетку мать-природа, и что на верхней губе сквозь толстый слой алой помады пробиваются маленькие усики) тоже была дачницей и скорее всего пенсионеркой. Соседа своего она явно не одобряла – скорее по привычке не одобрять всех подряд, чем в силу каких-то иных, более конкретных причин. С ней можно было заговорить – например, спросить, который час, или обозвать старой галашей, чтоб не очень-то задавалась, – а можно было и не заговаривать. Молодой человек выбрал второй вариант как наиболее разумный и на этом основании сделал вывод, что способность логически мыслить осталась при нем. Вообще, он был в полном порядке, только ничего не помнил о себе – даже имени своего не помнил, не говоря уж обо всем остальном.

Электричка, как всякий уважающий себя поезд пригородного сообщения, останавливалась чуть ли не у каждого столба. Вагон мало-помалу пустел – дачники выходили на своих остановках, брэнча пустыми ведрами, цепляясь друг за друга корзинами и рюкзаками и раздраженно при этом переругиваясь, и вереницами исчезали в глубине перелесков едва ли не раньше, чем электричка успевала отойти от платформы. На одной из этих платформ вышла и соседка молодого человека. Несмотря на холодный, неодобрительный взгляд, которым эта почтенная дама окинула его напоследок, с ее уходом молодой человек ощутил себя странно одиноким. Он уже успел привыкнуть к этой плохо одетой и безвкусно накрашенной тетке с ее корзинами и свернутыми мешками; как ни смешно это звучит, в данный момент она была его единственной привязанностью, единственным человеком, лицо которого он помнил и мог бы узнать в толпе. Это было не бог весть что, но без тетки ему стало совсем тоскливо.

Трясаясь и покачиваясь в постепенно пустеющем вагоне, молодой человек попытался вспомнить о себе хоть что-нибудь, но вскоре бросил это бесполезное занятие. Оно напоминало попытку взлететь, размахивая руками, как крыльями; с таким же успехом слепой от рождения мог бы пытаться описать красоту летнего заката, а глухой – понять, что хорошего в симфонической музыке. Какой-то участок памяти просто перестал существовать, превратившись в слепое белое пятно, и все, что мог сделать молодой человек, сводилось к определению границ этого пятна. Он ощущал слепую зону как пустоту, занимающую почти весь объем мозга и, как

скорлупой, окруженную тонкой пленкой известных ему мелочей – названий предметов, логических связей между ними и простейших навыков наподобие умения ходить и самостоятельно застегивать брюки.

Потом оттуда, из пустоты, лениво вращаясь, выплыло воспоминание – эпизод из прочтенной когда-то книги, герой которой под воздействием наркотиков забыл собственное имя и очень испугался, что как раз в это время подойдет полицейский и спросит, как его зовут. Молодой человек вспомнил даже, что тогда, во время чтения, эта ситуация показалась ему забавной: это ж надо такое выдумать – забыл собственное имя! Да разве такое возможно?

Теперь ему было не смешно. Так и этак повертев воспоминание перед мысленным взором, человек бережно отложил его в сторону: при всей своей кажущейся ничемности это была единственная ниточка, потянув за которую он мог выудить из пустоты внутри своей головы что-нибудь еще. Если память сохранила несколько фраз из какой-то глупой книжки, в ней могла заваляться и другая, более ценная информация: что это была за книжка, при каких обстоятельствах попала ему в руки, когда и, главное, где это случилось...

Голос из динамика объявил, что поезд прибывает на конечную станцию. Название станции ничего не сказало молодому человеку; когда электричка остановилась, он покинул вагон вместе с немногими остававшимися там пассажирами и вышел на растрескавшийся асфальт перрона. На треугольном фронте приземистого здания вокзала виднелся круглый циферблат часов. Стрелки показывали начало восьмого утра; над часами красовалось выведенное огромными буквами название станции – то самое, которое объявил по радио машинист. С неба сеялся мелкий дождик, ветер морщил воду в грязных лужах, на поверхности которых плавали размокшие окурки и чьи-то плевки; было зябко и неудобно. Подняв воротник и поглубже засунув руки в карманы куртки, молодой человек побрел к зданию вокзала: что собирается делать, он не представлял, но там, внутри, хотя бы не было дождя.

В зале ожидания его заметил и остановил дежурный милиционер: настала очередь молодого человека объяснить представителю власти, что он не помнит своего имени. Идя навстречу жующему резинку и оттого имеющему особенно тупое выражение лица сержанту, молодой человек вместо испуга испытывал огромное облегчение: он уже убедился в своей неспособности разобраться со свалившейся на него проблемой без посторонней помощи и радовался, что теперь за это трудное дело возьмутся какие-никакие, но все-таки профессионалы.

Глава 4

– Извините, – уже не впервые за этот вечер сказал Максим Соколовский, – но в это просто невозможно поверить.

– Дай срок, корреспондент, – ответил на это Борис Григорьевич Грабовский, – и все увидишь своими глазами. Если, конечно, мы договоримся.

Эта фраза – «если мы договоримся» – то и дело мелькала в разговоре, время от времени выныривая на поверхность, как угодившая в водоворот щепка. «Или как кусок дерьма», – подумал Максим. Последнее, пожалуй, было ближе к истине, на это указывал вкрадчивый тон, которым данная фраза произносилась. До сих пор Максим старательно увиливал от прямого ответа на замаскированный этой фразочкой вопрос: этот ответ мог не понравиться хозяину, а уходить, даже не попытавшись разобраться в ситуации до конца, не хотелось.

Но теперь этот рефрен прозвучал как-то так, что Максим понял: если продолжать увиливать, это увиливание само по себе будет расценено как вполне однозначный ответ.

– Борис Григорьевич, – сказал он, – а о чем, собственно, вы намерены со мной договориться?

– Вот так вопрос, – довольно достоверно изобразив недоумение, сказал Грабовский. К этому моменту он уже почти прикончил содержимое графина, но внешне это на нем никак не отразилось, разве что речь его стала не такой отрывистой, а темный, исподлобья, взгляд – не таким угрюмым. – Ты зачем сюда пришел?

– Ну, как это «зачем»? Поговорить.

– Врешь! Точнее, недоговариваешь. Ты пришел составить мнение – это, между прочим, твои собственные слова. Так? Теперь следующий вопрос: а зачем я тебя принял? Не в офисе, не на улице, а тут, у себя дома, куда посторонним вход воспрещен... Зачем, как ты думаешь?

– А зачем? – спросил Максим, даже не догадываясь, а зная наверняка, каким будет ответ.

– А затем, что ты – один из тех, кто формирует общественное мнение. То есть какое мнение у тебя, такое и у народа. Пусть не у всего народа, но у его значительной части. Причем твои читатели – люди образованные. Умными я их с чистой совестью не назову, потому что умный человек составляет мнение обо всем на свете сам, а не берет его готовеньким из газет, но что образованные – это факт. И именно среди них, заметь, больше всего тех, кто кричит: Грабовский-де шарлатан без стыда и совести, спекулирует на чужом горе... Скажешь, нет?

– Гм, – сказал Максим. – Спорить трудно.

– А ты не спорь. Не надо со мной спорить, мне ведь виднее. Это, брат, очень нездоровое занятие – спорить с тем, кто прав.

– Если бы дело было только в правоте, – негромко заметил Максим.

– А? – переспросил Грабовский и тут же, сообразив, что имел в виду журналист, рассмеялся с очень довольным видом. – А, вон что... Соображаешь, пресса! Правильно, на одной правоте далеко не уедешь. Это у нас испокон веков ведется: у кого кулак больше и глотка шире, тот и прав. Да, верно ты подметил: со мной спорить не только бесполезно, но и опасно. Я, конечно, своей силе хозяин, но знаешь ведь, как это бывает: устанешь как собака, разозлит тебя кто-нибудь крепко, вот нехорошая мыслишка сама собой и проскочит. Подумаешь, бывает: да чтоб ты сдох, сволочь! – а назавтра, глядишь, в газете некролог...

Эта небрежно замаскированная угроза была произнесена простым, будничным тоном, словно Грабовский вовсе и не угрожал, а констатировал факт – немного неприятный, но вместе с тем вполне обыкновенный, вроде того, что протекает крыша или заедает дверной замок. Из-за этого его слова прозвучали как-то особенно правдиво и достоверно, так что Максим, не очень-то веривший в подобные вещи, поневоле ощутил некоторый дискомфорт. До сих пор ему никогда не приходилось иметь дела с экстрасенсами или хотя бы принимать участие в тяну-

щихся уже не первую сотню лет дебатах вокруг сверхчувственного восприятия, ясновидения и прочей полумистической петрушки. Однако, готовясь к этому разговору, он довольно основательно ознакомился с вопросом и выяснил, что позиция официальной науки в отношении людей, подобных Грабовскому, осталась, в общем, такой же, как в начале девятнадцатого века, когда были предприняты первые, вполне наивные попытки точно установить, существует ли в действительности такое явление, как сверхчувственное восприятие. Тогда группе ясновидцев было предложено прочесть текст на листках бумаги, спрятанных в запечатанные конверты; тот опыт ничего не доказал и ничего не опроверг, и за истекшие с той поры без малого две сотни лет в данной области знания почти ничего не переменялось. Строго говоря, до сих пор никто так до конца и не понял, существует ли она вообще, эта область знания. Были придуманы и использованы десятки новых, порой очень остроумных методов исследований, проведены тысячи экспериментов, но, как справедливо заметил все тот же Грабовский, прав по-прежнему был тот, у кого шире глотка. До сих пор ни один ученый, дорожащий своей репутацией, не взял на себя смелости прямо, без «но» и «если», заявить по этому поводу хоть что-то определенное, сказать твердое «да» или такое же твердое «нет».

При этом к услугам экстрасенсов, колдунов и целителей всех мастей по-прежнему прибегали все или почти все, начиная от доярок и кончая главами государств. Главу государства можно обзывать как угодно – у себя дома, на кухне, когда никто не слышит, – и думать о нем можно что угодно, но темный, замороченный, пребывающий в плену глупых суеверий недоумок стать во главе государства не может по определению. Да и доярка, если уж на то пошло, не будет с поклоном подносить местной знахарке молоко, яйца и леденцы в бумажном кулечке, если та не способна ей помочь. Следовательно, во всем этом определено что-то есть; таково общественное мнение, да и мнение официальной науки недалеко от него ушло.

А раз так, можно допустить, что только что прозвучавшая угроза Грабовского – отнюдь не пустое сотрясение воздуха...

«А, чтоб тебя, – сердито подумал Максим. – Надо же, какой ловкий подонок! Как он наострился на нервах играть! Грозить ножом или пулей – это значит дать человеку повод обратиться в милицию. А тут вроде и пригрозил, и напугал, а мне и пожаловаться не на что. Я рационалист, я во все эти штуки не верю, а уж милиция-то в них не верит и подавно. Они там тоже все до одного рационалисты и прагматики – по крайней мере в служебное время. Им ничего не докажешь, да я и не собираюсь им ничего доказывать. Тут бы себе хоть что-то доказать, так ведь и это не получается! Я ведь уже и не знаю, верю во всю эту чепуху или нет. Не знаю, но боюсь. Потому что страшно. Вон, глазищами-то как сверкает!»

Вид у Грабовского и впрямь был внушительный. Его вечно угрюмое, грубо вылепленное лицо свидетельствовало о большой силе духа, а пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз, казалось, проникал в самые сокровенные тайники души, с привычной небрежностью сканируя их содержимое, добираясь до самых потаенных мыслей и чувств. Да, Борис Григорьевич, вне всякого сомнения, был наделен железной волей и дьявольской проницательностью, а это делало его весьма серьезным противником независимо от наличия или отсутствия у него широко разрекламированных экстрасенсорных способностей.

– Да, – сказал Максим с такой льстивой интонацией, что любой, кто хорошо его знал, непременно понял бы, что он, во-первых, взбешен, а во-вторых, издевается над собеседником, – вашим врагам не позавидуешь.

– Факт, – небрежно согласился Грабовский, то ли не заметив издевки, то ли не обратив на нее внимания. – Тяжело это, чтоб ты знал – обладать силой. Легче вагоны разгружать, ей-богу. Целый день вкалывай как проклятый да еще и за собой следи, чтоб ненароком, случайно кому-то не навредить. Я ведь не злодей какой-нибудь, порчу на людей за деньги не насылаю. Хотя мог бы, между прочим. Знал бы ты, какие суммы мне за это предлагали! И какие люди это делали...

– Бизнес? – предположил Максим.

– И бизнес, и политика... Сам подумай, кому неохота просто так, за здорово живешь, не прилагая никаких усилий, на самую верхушку вскарабкаться? Вот и идут: Борис Григорьевич, помоги... Но я об такие дела не пачкаюсь. Одно дело – помочь человеку, когда у него рак в последней стадии или, скажем, родственник потерялся. А всякой сволочи деньги да власть на блюдечке подносить – слуга покорный! Ты, когда станешь обо мне писать, на это особое внимание обрати.

– Простите? – переспросил Максим, сделав вид, что не понял. – Мне почудилось, или вы только что начали давать мне указания?

– Это не указание, а пожелание, – благодушно возразил Грабовский. – А указания... Ну, как бы тебе объяснить? Статью-то обо мне ты ведь все равно напишешь, так?

– Вероятнее всего, – сдержанно согласился Максим.

– Напишешь, напишешь. Ты ведь у нас не из тех, кто просто так, от нечего делать, убивает время, слоняясь по чужим домам. Твое время, как и мое, приличных денег стоит. Так что статью ты, конечно, напишешь, и, возможно, даже не одну. И будет она либо хвалебная, либо ругательная. Одно из двух.

– Есть еще третий вариант, – напомнил Соколовский. – Материал может быть просто объективным: пришел, увидел, рассказал.

Грабовский пренебрежительно фыркнул и слил в стопку остатки водки из графина.

– Какая там еще объективность? – отмахнулся он и выпил. – Ты, может, и постарайся быть объективным, но толку от этого все равно не будет. И сам на гребне не удержишься, непременно примешь какую-либо сторону, а читатель сделает выводы. А ему, читателю, это надо? Ему надо, чтоб ты меня либо превозносил до небес, либо ругал на все корки. Вот тогда ему интересно, даже если он с твоей позицией и не согласен. А объективность твоя никому не нужна, и в самую первую голову – главному редактору. Ему тиражи надо повышать, завлекать читателя, а ты ему подсовываешь свою пресную объективность: с одной стороны, нельзя не признать, с другой стороны, невозможно согласиться... Знаешь, куда он тебя с твоей объективностью пошлет?

– Догадываюсь, – сказал Максим. Хуже всего было то, что Грабовский был прав на все сто. – Приятно, что вы так печетесь о моем читателе. Но должен вам заметить, что больше всего на свете читатель обожает именно, как вы выразились, ругательные статьи. Публика любит скандалы...

– И чудеса! – перебил его Грабовский, энергично воздев к потолку указательный палец. – Чудеса у нас котируются наравне со скандалами. А лучше бы тебе, корреспондент, просто восхититься чудом. Тогда все будут довольны: и читатель, и редактор, и я... Ну, и ты, конечно. Ты себе даже не представляешь, как ты будешь доволен.

– Вполне возможно, – с кислой миной произнес Максим. Он ненавидел такие моменты, ненавидел, когда его пытались купить по дешевке. – Только я, простите, пока не вижу повода для восхищения.

– Поводы будут, – пообещал Грабовский. – Для начала, скажем, десять тысяч таких симпатиченьких, зелененьких поводов... Хватит тебе этого, чтобы начать восхищаться?

Максим вынул из пачки сигарету и с нарочитой неторопливостью закурил. Лицевые мускулы онемели, сведенные гримасой отвращения. Конечно, реклама – двигатель торговли, и ни одна видная фигура в наше время не обходится без пиара, который обеспечивают ей купленные с потрохами профессионалы. Но Максим Соколовский долгие годы вкалывал как проклятый именно для того, чтобы перестать зависеть от подачек сомнительных личностей наподобие вот этого, с позволения сказать, ясновидца. Хорош ясновидец, если пытается купить его, Макса Соколовского, за вшивые десять тысяч! Мысли он читает... Ну, давай, телепат, прочти, что я о тебе думаю!

– Значит, не хватит, – неверно истолковав молчание собеседника, констатировал Грабовский. – А если я предложу двадцать? Ты особенно-то не ломайся, бери, пока дают!

Максим, который уже почти овладел собой, от последнего замечания хозяина пришел в ярость. «Нервы, нервы, – подумал он, стискивая зубами фильтр сигареты и делая глубокую затяжку. – Нет, к черту все, надо брать отпуск. Иначе эти подонки превратят меня в настоящего неврастеника. Это же надо, какая скотина!»

– Борис Григорьевич, – сказал он, сдерживаясь из последних сил, – давайте мы с вами сразу договоримся. Под заведомой ложью я не стану подписываться ни за какие деньги. Таких специалистов в Москве навалом, обратитесь к ним.

– Кому нужны эти шелкоперы? – с полной откровенностью возразил Грабовский. – Только деньги сосут. Кто их читает, кто им верит? Иное дело – ты. У тебя же имя! Авторитет!

– Вот именно, – сказал Максим, – имя. И я не стану рисковать ради того, чтобы срубить немного денег.

– Двадцать тысяч – это, по-твоему, немного? – возмутился Грабовский.

– А по-вашему? – хладнокровно парировал Максим.

– Ну, ты хват... Хорошо, пятьдесят.

– По-моему, я вполне ясно выразился: ни за какие деньги.

– Ни за какие?

– Здесь что, эхо? Если вы читали мои статьи, то могли бы заметить, что я бережно отношусь к своей репутации. Ее за деньги не купишь.

Грабовский неожиданно ухмыльнулся и расслабился в кресле, снова откинувшись на спинку и забросив ногу на ногу.

– Ну, во-первых, в наше время купить можно все, в том числе и репутацию, – заявил он. – А во-вторых, чего ты верещишь, как будто я тебе предлагаю накатать панегирик Гитлеру? Неправду он, видите ли, не хочет говорить! Под заведомой ложью имя свое славное ставить не хочет! Ай-яй-яй, какие мы нежные, какие принципиальные! Да кто тебе сказал, что от тебя требуется ложь?

– Ах, не требуется? – восхитился Максим. – Превосходно. Вот когда вы в моем присутствии оживите... то есть, прошу прощения, воскресите покойника, смерть которого засвидетельствует заслуживающий доверия, незаинтересованный медик, тогда я с чистой совестью и со ссылкой на этого медика, которого, кстати, выберу и приведу сам, затрублю во все трубы: да, я был свидетелем чуда! Но и тогда, кстати, я не смогу утверждать, что это чудо именно от Бога, а не от его, гм... оппонента. Так что, как ни крути, обратились вы не по адресу. Увы! Я не специалист по панегирикам. Я, как Лев Николаевич Толстой, – зеркало русской действительности.

– Ишь ты, зеркало...

– Представьте себе. И деньги ваши мне ни к чему. Правду я напишу бесплатно. То есть за гонорар, который мне заплатит редакция.

– Да что там они заплатят! Крохи...

– Курочка по зернышку клюет, – заметил на это Максим. – А если дать курочке сразу мешок этих зернышек, она может и помереть от несварения желудка... Особенно если зернышки... того, с душком.

– Не пойму, чего ты развоевался, – миролюбиво произнес Грабовский. – Правда, неправда, душок... Поверь, я твою позицию уважаю. Она мне даже импонирует. Побольше бы нам таких журналистов, а то все подряд несут заказной бред, читать тошно. Не хочешь брать деньги – не бери, кто тебя заставит? Хотя выглядит это, согласись, довольно странно... Но воля твоя. Чужие принципы надо уважать, если хочешь, чтоб уважали твои. Ты, пресса, неправильно меня понял. Я ведь за что тебе заплатить-то хотел? За то, чтобы ты по чужому заказу грязью меня не обливал, понимаешь? А если ты у нас такой объективный, тебе и карты в руки. Воскрешение хочешь? Будет тебе воскрешение! Подбирай себе врача, который способен

живого человека от покойника отличить, и жди. Как только случай подвернется, я тебя сразу же позову. Идет?

– Идет, – сказал Максим.

Его вдруг охватило чувство нереальности происходящего. Заявление Грабовского даже не с чем было сравнить. Обещание на глазах у известного журналиста и в присутствии независимого медицинского эксперта оживить мертвеца само по себе звучало беспрецедентно. Как будто собеседник между делом сообщил, что он – Иисус Христос, инкогнито вернувшийся на грешную землю. Впрочем, в мире ничто не ново; за последние десятилетия только в России с большой помпой начали свою деятельность и с такой же помпой были прихлопнуты не менее пяти лже-Иисусов. Правда, за оживление покойников никто из них все-таки не брался...

– Как это делается, я тебе объясню во время сеанса, – будто прочтя мысли Максима, пообещал Грабовский. – Потому что сейчас, во-первых, уже поздно, мы оба устали, а во-вторых, ты мне все равно не поверишь. Слова – они и есть слова. Я словам и сам не верю, но мне-то проще. Я ведь не то чтобы мысли читаю, а, скажем так, безошибочно улавливаю общий настрой. Вот ты, к примеру, до сих пор волком на меня смотришь, хотя мы, казалось бы, уже обо всем договорились. Обиделся, что ли? Не смейся, пресса! Тоже мне, образец кристальной чистоты – деньги ему брать противно, прямо как тому юмористу... Я ж не взятку тебе предложил, а нормальную оплату труда!

– Давайте оставим деньги в покое, – предложил Максим.

– Да как скажешь... Так вот, настрой у тебя все еще скептический. Тут и провидцем не надо быть, и так видно, что прикидываешь ты сейчас, как это, каким таким манером, я тебя обдурить собираюсь. И есть у тебя еще какая-то задняя мыслишка... Погоди-погоди... Да не напрягайся ты, бесполезно это! От меня, брат, не спрячешься... Ну, что там у тебя? Ага! Амнезия, верно?

– Черт, – сказал Максим. Он действительно был сражен. – Как вы узнали?

– Мысли прочел, – как ни в чем не бывало, сообщил Грабовский, но тут же рассмеялся. – Что, пресса, замочил штанишки? Ну-ну, не дрожи. Шучу. Не ты один умеешь информацию собирать. Когда ты мне позвонил, я просто навел справки и узнал, чем ты сейчас занимаешься, что тебя интересует. А интересуют тебя, насколько я понял, участвовавшие в последнее время случаи полной потери памяти. Человек обнаруживает себя в незнакомом месте и понятия не имеет, кто он такой и как сюда попал... Верно?

– Верно, – вынужден был признать Максим.

– То-то. Цени мою откровенность. Мне ведь ничего не стоило туману напустить – телепатия, дескать, чтение мыслей на расстоянии... Поверить ты бы, может, и не поверил, но засомневался бы наверняка.

– Тогда зачем вы признались?

– А затем я признался, драгоценный ты мой писатель, что не привык гадить в корыто, из которого ем. Ты бы обязательно бросился проверять, что да как, и, конечно, выяснил бы, что я тебя, как нынче говорят, на пальцах развел. Оно, конечно, поучить тебя маленько не мешало бы, а то уж больно заносчив, но бог с тобой. Мне сознательный союзник нужен, понимаешь? А союз предполагает взаимное доверие. А какое уж тут доверие, если я тебя с самого начала, как мальчишку, обману? Ты ведь мне это потом непременно припомнил бы, верно? Вот я тебе и открылся. Поделился, так сказать, секретом ремесла. Оно ведь, ремесло-то, процентов на пятьдесят из таких фокусов состоит. А у некоторых так и вовсе на все сто... У кого силы нет, тому только на фокусы рассчитывать остается. А у кого она есть, тот ее экономить должен. К чему мне напрягаться, мысли твои читать, если и без того понятно, о чем ты думаешь? Видно же, что ты, как услышал про моих оживших покойничков, которые ничего про себя не помнят, так сразу и задумался: а нет ли тут связи?

– Любой бы на моем месте задумался, – признал Максим. – Так как насчет связи? Есть она или нет?

– Нету, – с удовлетворением сообщил Грабовский. – Никогда не было, нет и не будет. Это какая-то сволочь над людьми экспериментирует. Надо бы мне этим вплотную заняться, вычислить его, подонка, и стереть в порошок. Да все никак руки не доходят...

Наконец-то с огромным облегчением покинув кабинет, в котором, как ему казалось, сгустилась плотная атмосфера какого-то болезненного бреда, Максим двинулся восвояси по длинному коридору с матовым потолком. Судя по часам, снаружи давно уже стемнело, так что лившийся с потолка ровный белый свет все-таки был искусственный. Хозяин не пошел его провожать; выходя, Максим краем глаза заметил, как он нырнул в тумбу стола, там предательски звякнуло стекло.

Он шагал по мягкой ковровой дорожке, которая полностью глушила шаги, и ни о чем не думал. Все, что он услышал этим вечером, должно было для начала хорошенько утрястись, улечься в памяти и лишь затем подвергнуться детальному, всестороннему анализу.

Подходя к холлу, где в огромном аквариуме, подсвеченные скрытыми лампами, бесшумно скользили грациозные и стремительные, как сама смерть, акулы, он услышал голос с украинским акцентом.

– Подъезжает, значит, Алеша Попович к горе, – повествовательным тоном вещал голос, – а там пещера. Да здоровенная! И смердит оттуда так, что хоть святых выноси. Вот он останавливает, значит, коня перед этой пещерой и кричит: «Эй, – кричит, – Змей Горыныч, чудо-юдо поганое, чернобыльский ты мутант, выходи биться!» Орал-орал, чуть пупок у него не развязался, и вдруг слышит откуда-то сверху громкий такой голос: «Ладно, – говорит, – биться так биться, но зачем же в задницу орать?»

В холле лениво хохотнули. «Да уж, – с болезненной улыбкой подумал Максим. – Это прямо-таки про меня сказочка. Я и есть этот Алеша Попович, который слегка не рассчитал свои силы, отправляясь на охоту за Змеем Горынычем...»

Он и сам не знал, откуда взялось такое упадочническое настроение, но желание махнуть рукой и на Грабовского с его сомнительными чудесами, и даже на отнявшее почти полгода расследование случаев внезапной и полной амнезии крепло с каждой секундой, с каждым шагом по направлению к двери. Он решил, что ему просто необходим отдых – нормальный, полноценный, продолжительный отдых на берегу теплого, ласкового моря. Пару недель Грабовский как-нибудь потерпит, а уж эти лишившиеся памяти бедолаги, что едва ли не каждую неделю всплывают в разных психушках по всей России, и подавно никуда не денутся.

При этом возникло казавшееся небеспочвенным подозрение, что все эти мысли об отдыхе и смене обстановки не принадлежат Максиму, а внушены ему жутковатым хозяином этой стеклянной норы. Максим не лгал, заявляя, что устойчив к гипнозу: в молодости ему доводилось бывать на сеансах Чумака и Кашпировского, и все их фокусы были ему как об стенку горох. Но о Грабовском в последнее время стали говорить как об экстрасенсе невиданной доселе силы. Правда, о нем говорили и как о мошеннике невиданной, чудовищной наглости, но полной ясности в этом вопросе по-прежнему не было, а мысли – чужие, не свойственные Максиму Соколовскому, – напротив, были тут как тут, прямо у него в голове.

Так ни в чем и не разобравшись, журналист свернул за угол, и перед ним открылся холл. Там в мягких, странной формы, но явно очень удобных креслах с белой кожаной обивкой сидели двое – давешний «японец», сменивший дурацкое кимоно на такой же дурацкий фиолетово-зеленый спортивный костюм, и еще какой-то тип с громоздкой фигурой половозрелого самца гориллы и тупой, уродливой физиономией, которая показалась Максиму странно знакомой. Бритый наголо, сужающийся кверху череп, тяжелая нижняя челюсть, широкая щель почти лишенного губ рта, крошечные пороссячи глазки, посаженные так близко, что их, каза-

лось, можно было выколоть одним пальцем, короткий приплюснутый нос, бычья шея, переходящая в покатые плечи...

Уже спустившись в холл по ступенькам, Максим сообразил, кого ему напомнил этот тип. Он был как две капли воды похож на Шрека – великана-людоеда из одноименного мультфильма, только кожа у него была не зеленая, а загорелая.

Тут он бросил взгляд в сторону выхода и мигом забыл не только о Шреке, но даже и о своем неприятном разговоре с Грабовским. Налицо была очередная неприятность – не то чтобы неприятность, а просто досадная помеха, из-за которой Максим рисковал еще на какое-то время застрять в этой суперсовременной берлоге в обществе воняющего чесноком «японца» и его гориллоподобного приятеля.

В дверях, кряхтя, сопя и тихо матерясь сквозь зубы, корячились двое мужиков в новеньких, синих с ядовито-оранжевыми вставками рабочих комбинезонах. Они пытались протаскать в дом огромный, сверкающий хромированным металлическим каркасом и лоснящийся черной натуральной кожей диван, который был явно чересчур велик для дверного проема. Сквозь стеклянную стену Максиму был виден стоящий у крыльца мебельный фургон, освещенный горевшим снаружи фонарем. Дверь кузова была распахнута настежь, а внутри виднелась парочка огромных кресел и обмотанная упаковочной бумагой штукавина, формой и размерами напоминавшая журнальный столик. «Нашли время, – сердито подумал Максим, решительно направляясь к дверям. – Диванов им мало, сволочам».

– Дайте человеку пройти, инвалиды, – обернувшись к дверям, лениво, через плечо, сказал рабочим охранник, похожий на Шрека.

– Левее и на меня, – скомандовал напарнику один из рабочих, не то не услышав охранника, не то решив его проигнорировать.

Пятясь, он миновал дверной проем, протаскивая в холл боковину дивана, после чего последний застрял – как показалось Максиму, намертво. Сдавленно матерясь, рабочие дергали его в разные стороны, но все было тщетно – диван явно решил, что ему хорошо и тут, в дверях. Шрек и «японец» покинули наконец насиженные места и присоединились к рабочим – увы, слишком поздно, чтобы это дало какой-нибудь эффект, кроме шума. Чем больше они суетились, тем хуже становилось дело, пока ситуация не зашла в полный и окончательный тупик. Теперь, чтобы освободить проход, нужно было ломать либо дверной косяк, либо диван – Максим, по крайней мере, не видел иного исхода.

– Так, блин. И что теперь? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Шрек, суя в уголок широкого жабьего рта сигарету.

– Теперь хотелось бы знать, как я отсюда выберусь, – сказал Максим в наступившей после этого риторического вопроса тишине.

Все четверо обернулись к нему – рабочие вполне равнодушно, а Шрек и «японец» с одинаковым выражением растерянности и досады на широких, не обезображенных печатью избыточного интеллекта физиономиях.

– Е-мое, – сказал Шрек. – Корреспондента замуровали! Ваша работа, бараны, – добавил он, обращаясь к рабочим.

– Некрасиво получилось, – огорченно подхватил «японец». – Извиняйте. Придется, видно, вам черным ходом выходить.

– Да хоть зеленым в крапинку, – сказал Максим. – Объясните, где это.

– Зачем «объясните»? – чуть ли не с обидой переспросил «японец». – Я провожу, а то вы сами не найдете. Я б тому руки оборвал, кто этот дом проектировал. Сам целых полгода тыкался во все углы, как слепой котенок, пока не привык...

– Как тупой китенок, – с ухмылкой поправил его Шрек. – Айда, я тоже с вами прогуляюсь, мне как раз ту дверь проверить надо. А вы, – обернулся он к рабочим, – чтоб до моего возвращения убрали отсюда это дерьмо и сами убрались, чтоб я вас не видел! Поломаете что-

нибудь – я вас из-под земли достану. Сколько диван стоит, вам известно. Ну, так имейте в виду, что дверь еще дороже.

Пока Шрек пугал рабочих, «японец» обогнул аквариум с акулами и включил свет в каком-то боковом коридоре. Максим последовал за ним, привычно задерживая дыхание в шлейфе густого чесночного перегара. Голые стены и ничем не застеленный кафельный пол – этот коридор имел сугубо служебное, хозяйственное назначение. Здесь пахло кухней и немного дезинфекцией. Тусклый, рассеянный свет. Оглянувшись, Максим увидел, что Шрек идет за ним, отстав метра на три и засунув громадные кулаки в карманы просторных брюк. Его белая рубашка была расстегнута до середины груди, в вырезе поблескивала толстая золотая цепь. То, что этот мордovorот следует за ним по пятам, почему-то очень не понравилось Максиму. Тем более что впереди шел «японец», который, хоть и уступал габаритами карьерному самосвалу, все-таки был намного тяжелее и наверняка сильнее журналиста. Все это, вместе взятое, начиная с тусклого освещения и голых стен и заканчивая топавшими спереди и сзади охранниками, навевало очень неприятные мысли. Максим подумал, что живое воображение – далеко не всегда благо; бывают ситуации, когда воображения лучше вообще не иметь.

Свернув за угол, они очутились в коротком тупике, который заканчивался простой белой дверью – деревянной, с надраенной до блеска латунной ручкой. «Японец» повернул барашек защелки и распахнул дверь.

Максим ожидал увидеть снаружи мрак ненастного сентябрьского вечера, но вместо этого его взору открылась ведущая куда-то вниз лестница, освещенная точно такими же полукруглыми плафонами, как те, что горели в коридоре. На выход, пусть даже и служебный, это не походило; смахивало скорее на спуск в подвал.

– Что это? – спросил Максим у приветливо скалящегося «японца».

– Лестница, – с готовностью ответил тот. – В гараж. А из гаража по пандусу – прямо во двор. До вашей машины получится далековато, но я провожу. Там, внизу, где-то был старый зонтик, так что не намокнете.

Через его плечо Максим посмотрел на лестницу и не увидел ее конца. Опускать гараж на такую глубину было бессмысленно, разве что хозяин опасался бомбежки и заодно с гаражом оборудовал себе убежище на случай воздушного налета. Максим понял, что спускаться вниз, чтобы проверить это предположение, ему совсем не хочется.

– Знаете, – сказал он, – я лучше подожду, пока занесут мебель, и выйду через парадную дверь. Может, вы мне пока предложите чашечку кофе?

«Японец» с огорчением покачал головой.

– Рад бы, да не могу, – сказал он. – Борис Григорьевич не любит, когда в доме торчат посторонние. Особенно после захода солнца. Так что придется вам пройти через гараж.

Тон у него был какой-то странный, почти издевательский. Максим оглянулся на Шрека и увидел, что тот открыто ухмыляется, сложив на груди могучие ручищи. Зубы у него были, как лопаты, а клыки показались Максиму чересчур развитыми, как будто предки этого охранника произошли не от обезьян, а от каких-то крупных хищников. Впрочем, некоторые обезьяны тоже имеют впечатляющие клыки – павианы, например, или те же краснозадые мартышки... «Предки тут ни при чем, – осенила Максима неуместная идея. – Просто он вампир. Или демон, вызванный Грабовским прямо из ада...»

– Двигай телом, писатель, – снисходительно пробасил Шрек. – Что нам, силой тебя тащить?

Максиму приходилось бывать в острых ситуациях, и сейчас он понял, что дальнейшие разговоры бесполезны. Происходило что-то очень скверное; опустив множество рассуждений, на которые сейчас просто не было времени, Соколовский понял, что выбор у него невелик: он мог либо выставить себя полным дураком, затеяв драку, либо нажать крупные неприятности, позволив этим двум мордovorотам довести до конца то, что они задумали.

«Японец» теперь смотрел на Максима без прежней услужливости. Его круглая физиономия выражала терпеливую скуку, как будто Соколовский был тупым домашним животным, вроде овцы, неспособным понять и выполнить простейшую команду.

Журналист быстро оценил обстановку. «Японец» стоял в дверях, и позади него была довольно крутая лестница. Если сначала столкнуть толстяка вниз, а потом как-нибудь опрокинуть Шрека, можно вырваться обратно в холл. Отпихнуть с дороги рабочих, перебраться через застрявший в дверях диван, и – здравствуй, свобода! Вот только Шрек... Легко сказать – опрокинуть его! Это ведь примерно то же самое, что голыми руками перевернуть самосвал...

Пока Максим взвешивал шансы, действовать стало поздно. Из-за угла коридора послышались шаги, а в следующую секунду в тупике появились рабочие – разумеется, без дивана. У одного из них в руке была резиновая дубинка милицейского образца, а другой на глазах у Максима вынул из кармана комбинезона странный, уродливый пистолет с длинным и толстым стволом. Соколовский уже видел такое оружие; такими пистолетами в последнее время стали вооружаться дрессировщики крупных хищников. Стреляла эта штукавина дротиками со снотворным; получив такой гостинец, разъяренный лев засыпал в считанные секунды. До льва Максиму было далеко, да и ярости он не чувствовал: что он сейчас чувствовал, так это испуг и растерянность. Его беседа с Грабовским дала какой-то странный результат; похоже, во время этой беседы журналист сказал что-то такое, что дало Борису Григорьевичу повод причислить его к разряду своих врагов.

– Что это значит? – изо всех сил стараясь выглядеть удивленным, холодно осведомился он. – Имейте в виду, вам это даром не пройдет.

– А то как же, – за всех ответил Шрек, ухмыляясь, как акула. – Мы, чтоб ты знал, даром никогда не работаем. Ну, пошел!

И Максим Соколовский пошел вслед за «японцем», который уже спускался по лестнице, приятным голосом напевая себе под нос: «Распрягайте, хлопцы, коней...»

* * *

Глеб остановил машину напротив проектного бюро и заглушил двигатель. До конца рабочего дня оставалось около шести минут – вполне достаточно, чтобы спокойно, никуда не торопясь, выкурить сигарету. Он до конца опустил стекло слева от себя и открыл люк, чтобы у Ирины не было повода для нареканий, и, как обычно в подобных случаях, вспомнил одного поляка, с которым случайно познакомился много лет назад. Так вот, этот поляк, помимо всего прочего, говорил, что никогда не курит в машине сигарет польского и советского производства – дескать, после них в салоне остается неприятный запах, который потом долго не выветривается. Он прямо так и говорил: «смердит», причем с ударением на первом слоге, отчего данное грубоватое словечко звучало еще более энергично. Разговор, помнится, происходил за столом, и подвыпивший пан повторил свою речь о смердящих отечественных сигаретах раз пять, если не больше, так что она накрепко врезалась Глебу в память, как запоминается порой назойливый припев какой-нибудь глупой песенки.

В темно-зеленых кронах высаженных вдоль улицы лип густо поблескивала осенняя позолота, газон был усеян желтыми кругляшами опавших листьев.

Глеб закурил и стал рассеянно и благодушно глазеть по сторонам. Первый месяц осени выдался мягким и погожим, генерал Потапчук не слишком нагружал своего агента работой; фактически Слепой находился в длительном простое и был этому очень рад. К сожалению, Ирина не могла разделить с мужем эту радость нежданно-негаданно обретенной свободы: свой отпуск она уже отгуляла, а уволиться с работы только для того, чтобы составить Глебу компанию в его ничегонеделании, отказалась наотрез. Поэтому Сиверов проводил дни, слушая музыку, приводя в порядок электронную картотеку и лениво бродя по Интернету. Информа-

ции в сети, как всегда, было навалом, и вся она была какая-то куцая и выхолощенная – опять же, как всегда. При огромной широте охватываемых тем в ней напрочь отсутствовала глубина; Глебу оставалось лишь рассеянно скользить по поверхности этого мелкого информационного моря, что его в данный момент вполне устраивало. Вдоволь насидевшись за компьютером, он пересаживался за руль и отправлялся встречать жену с работы; иногда перед этим готовил ужин, но чаще просто вез Ирину в ресторан, что, во-первых, придавало жизни легкий налет праздничности, а во-вторых, избавляло их обоих от мытья посуды.

Глеб наслаждался праздностью, четко осознавая при этом, что чем дольше и приятнее будет период безделья, тем сложнее и опаснее окажется предстоящая работа. Так бывало всегда, и он не видел причин для каких бы то ни было изменений. Поэтому, бродя по Интернету, он с каждым днем все внимательнее вчитывался в новостные сообщения: любое из них могло оказаться точкой отсчета в новом задании. Горячих известий в новостях хватало, но Федор Филиппович молчал, а это означало, что расследование очередного происшествия будет официальным и к Глебу Сиверову оно не имеет ни малейшего отношения – по крайней мере до тех пор, пока не зайдет в тупик.

Он почти докурил сигарету, когда тяжелые, трехметровой высоты двери со старомодными бронзовыми ручками длиной в полметра наконец-то распахнулись, начав по одному и пачками выпускать на волю засидевшихся в четырех стенах служащих. Проектное бюро, в котором сейчас работала Ирина, размещалось в старом здании сталинской постройки, соседствуя со множеством контор, офисов и учреждений, так что теперь, когда рабочий день закончился, тротуар начал стремительно заполняться людьми. Людской поток на ступеньках здания густел, тяжелая, разделенная на квадратики, как плитка шоколада, дубовая дверь уже не успевала закрываться. В толпе мелькнула шапка непослушных огненно-рыжих волос над бледным и, как показалось Глебу, заплаканным лицом. Глеб не обратил на это лицо особого внимания, но тренированная память мгновенно включила поисковую программу и почти без паузы выдала на дисплей сознания соответствующий файл с минимумом необходимой информации: Нина Волошина, архитектор, тридцать шесть лет, подруга жены. Та самая, на свадьбу которой с модным журналистом Соколовским они с Ириной были приглашены – правда, пока неофициально, без приглашительного билета в конверте с изображением обручальных колец и прочих подobaющих случаю формальностей. «Что-то вид у нее невеселый», – подумал Глеб, но тут же забыл о Волошиной, потому что на ступеньках показалась Ирина.

Он выбрался из-за руля, обошел машину и распахнул дверцу, с удовольствием наблюдая за тем, как жена идет навстречу своей легкой походкой. Как всегда, завидев мужа, она улыбнулась, но ее улыбка сегодня показалась Глебу какой-то вымученной. «Запороли проект, – предположил Сиверов. – Или заказчик на деньги кинул. А может, шеф не с той ноги встал и день-деньской срывает раздражение на своих барышнях...»

Когда Ирина приблизилась, он жестом фокусника выудил из салона машины букет и с комично-торжественным видом протянул ей. Быстрицкая снова улыбнулась, и ее улыбка опять показалась Глебу невеселой, как будто жена улыбалась через силу, не желая его огорчать, а может быть, опасаясь впутывать в какие-то свои неприятности. Сиверов подумал, что тут она не на того напала: все-таки он работал не ЖЭКе, а в ФСБ, и умение вытягивать из людей то, о чем они не хотели говорить, было частью его профессиональных навыков. Еще ему подумалось, что, если в дурном настроении Ирины виноват все-таки начальник, с ним придется переговорить – коротко, но доходчиво, с применением некоторых других, сугубо специфических, профессиональных навыков и приемов. После такого разговора привычка вымещать на подчиненных свою злость пропадет у него надолго, а может, и навсегда...

– Как прошел день? – спросил Глеб, когда они уселись в машину.

– Как обычно, – лаконично ответила жена и попросила: – Закрой, пожалуйста, окно. Что-то меня знобит.

– Ты здорова? – встревожился Глеб, наглухо задраивая окно и люк в крыше. – Что-то вид у тебя...

– Все в порядке, – сказала Ирина. – Просто немного устала.

– Ну, это поправимо. – Сиверов запустил двигатель, включил указатель поворота и осторожно, чтобы не задеть как попало перебегающих дорогу пешеходов, вырулил на проезжую часть. – Горячая ванна, бокал легкого вина, хороший ужин, и все как рукой снимет. Надеюсь, этот Соколовский догадается предложить своей невесте то же самое, – добавил он неожиданно для себя самого.

Быстрицкая резко, всем телом, повернулась на сиденье и посмотрела мужу прямо в лицо.

– Иногда ты просто ставишь меня в тупик, – призналась она после довольно продолжительной паузы, во время которой Сиверов гадал, чем вызвана такая неожиданно бурная реакция. – Честное слово, не пойму: то ли ты мысли читаешь, то ли просто обвешал меня с головы до ног своими «жучками»...

– Жучки заводятся сами, если долго не мыться, – с глубокомысленным видом изрек Сиверов. – Маленькие такие... Иногда они бывают кусачими.

– Не заговаривай мне зубы, – строго сказала Ирина. – Как ты узнал, что у Нины неприятности?

– Ага, – сворачивая в боковую улицу, чтобы объехать перекресток, на котором в это время суток неизменно возникала пробка, сказал Глеб, – вот, значит, какой жучок нас покусал. Что, господин журналист растворился в утреннем тумане? «Уходя в дальнейшее пространство, я блесну непрошеной слезой...»

– Не смей шутить по этому поводу! – сказала Ирина так резко, что Глеб вздрогнул. Фактически она это выкрикнула. – Это ни капельки не смешно.

Глеб вдруг понял – вернее, почувствовал, – что ни малейшего повода даже для самого легкого зубоскальства в ситуации действительно нет. Возникшая буквально на пустом месте уверенность, что в жизни Нины Волошиной случилось что-то по-настоящему скверное, показалась ему странной. В конце концов, люди все время встречаются и расстаются; многие склонны воспринимать каждое расставание как трагедию, особенно незамужние женщины, которым давно перевалило за тридцать, но на самом-то деле никакой трагедии в этом нет. Есть драма, да и та мелкая, бытовая – словом, такого свойства, что Ирина Быстрицкая вряд ли стала бы из-за такой мелочи повышать голос на мужа.

Эти рассуждения подвели солидную базу под его догадку, но они пришли в голову Сиверову лишь после того, как ощущение случившейся беды уже стало вполне определенным. Он догадался, что причиной плохого настроения Ирины были неприятности Волошиной, а затем сразу же, не располагая никакой информацией, понял, что эти неприятности связаны с Максимом Соколовским. Да, Ирина, пожалуй, действительно имела некоторые основания подозревать его в чтении мыслей или тайном использовании аппаратуры прослушивания. Порой, вот как сейчас, Глеб и сам не понимал, откуда в его голове появляются правильные ответы на вопросы, которые он даже не собирался перед собой ставить; у него имелись кое-какие подозрения на этот счет, но он их неизменно игнорировал, поскольку верил в силу разума и огнестрельного оружия, а не в бабьи сказки насчет телепатии и прогулок в астрале.

– Хорошо, – сказал он. – Извини. Я просто не сразу понял, насколько все серьезно.

– Откуда ты можешь знать, насколько все серьезно? – с горечью, но уже значительно мягче возразила Ирина.

– Вот ты мне и расскажи, – предложил Глеб. – А может, все это действительно яйца выеденного не стоит. Может, господин Соколовский встретил где-нибудь в командировке девушку своей мечты и никак не может с ней расстаться. А потом явится с повинной головой, которую, как известно, даже меч не сечет...

Он почувствовал, что опять начинает зубоскалить, и прикусил язык.

– А кто тебе сказал, что он пропал? – спросила Ирина. На секунду бросив руль, Глеб развел руками.

– А ты разве не говорила? Ну, тогда не знаю. Никто не говорил. Это так, предположение, сделанное на основании твоих собственных слов.

– Я о Максиме даже не упоминала, – напомнила Быстрицкая.

Это была правда: все, что она говорила, было всего лишь ответами на высказываемые им догадки. Глеб пожал плечами.

– Ну, я увидел Волошину, и мне показалось, что она чем-то сильно расстроена. А потом вышла ты, и точно в таком же состоянии...

– И ты поэтому решил, что я расстроена из-за ее отношений с Максимом?

Глеб крикнул: крыть было нечем. Действительно, в толпе москвичей, спешащих с работы домой и твердо знающих, что на этом пути их ждет продолжительная давка в общественном транспорте, очень редко увидишь веселое лицо. Да что там веселое! Если на чьей-то физиономии нет выражения хмурой озлобленности, как будто человек идет в штыковую атаку, это уже довольно редкое явление.

– Она, как-никак, твоя подруга, – довольно неубедительно произнес Глеб.

При этом он подумал, что супружество с ним не прошло для Ирины даром: вместо того, чтобы, как собирался, аккуратно извлечь из жены информацию, он и сам не заметил, как оказался в роли допрашиваемого. Впрочем, чтобы освоить этот фокус, женщине вовсе не обязательно быть замужем за офицером ФСБ: женщины владеют этим навыком от природы...

– Послушай, – сказал он, – я действительно не знаю, что произошло. Я строю догадки, время от времени попадаю пальцем в небо, и меня за это обвиняют то в подслушивании, то вообще в чтении мыслей... Ну, я же ни в чем не виноват!

Последнее заявление он сделал нарочито жалобным, чуть ли не плаксивым тоном, и это возымело ожидаемый эффект: протянув руку, Ирина ласково, как ребенка, потрепала его по макушке.

– Прости, – сказала она, – я совсем расклеилась из-за этой истории. Представляешь, он и вправду пропал.

– Соколовский?

– Да. Обещал вернуться вечером, не поздно, и исчез, как сквозь землю провалился. Даже не позвонил.

– Тут, в Москве?

– По крайней мере так он сказал Нине перед тем, как исчезнуть. Он не говорил, что собирается куда-то ехать.

– Возможно, забыл. Или просто не счит нужным, думая, что вернется вовремя. А что говорят в редакции?

– Ничего не говорят. Он ведь сотрудничал сразу с несколькими изданиями – заходил, сдавал материал и уходил. Вольный стрелок, который ни перед кем не обязан отчитываться. Так что любая из редакций, в которых он появлялся, – последнее место, где стали бы беспокоиться из-за его долгого отсутствия. Не приходит – значит, работает над новой темой, только и всего...

– И давно его нет?

– Уже неделю. Точнее, восемь дней.

Глеб поморщился. Ирина со слов подруги отзывалась о Соколовском как о порядочном человеке. Правда, влюбленным женщинам свойственно закрывать глаза даже на самые вопиющие недостатки своего избранника, так что тут, вполне возможно, все-таки имела место обычная бытовая драма: жених улизнул меньше чем за месяц до свадьбы, а невеста безутешна.

– Она все глаза проплакала, – продолжала Ирина. – Даже съехала с его квартиры, потому что там все напоминает о нем. Вернулась к себе и сидит там одна...

– Они что, жили у Соколовского? – изумился Глеб.

– А что тебя так удивляет? У него хорошая квартира в центре. Родители – преподавали в МГУ, так что ему по наследству достались настоящие хоромы...

Сиверов, не удержавшись, тихонечко присвистнул сквозь зубы. Чтобы бежать от невесты, бросив на произвол судьбы профессорскую квартиру в центре Москвы, надо иметь очень веские причины. Да и тогда... Сейчас ведь не девятнадцатый век и даже не двадцатый, нынче жилплощадь не швыряются даже из самых благородных побуждений. Да еще такой жилплощадью... Нет, версия о покинутой невесте явно никуда не годилась.

– А что говорят в милиции? – спросил он, безо всякой телепатии зная, каким будет ответ.

– Приняли заявление, – с отвращением сообщила Ирина. – И то после того, как она показала им справку из загса о том, что они собирались пожениться.

– Ну, ясно, чего еще от них ждать, – пробормотал Глеб. – Уехал он, конечно, на машине? Машина хорошая?

– Хорошая. Почти новая.

Получив это сообщение, Сиверов окончательно помрачнел. Все было предельно ясно. В девяноста процентах случаев верной оказывается самая простая, самая очевидная версия. Если человек, который собирался вечером после работы вернуться домой, внезапно и бесследно исчез вместе с дорогой иномаркой, вряд ли он вступил в иностранный легион или был похищен пришельцами с альфа Центавра. Логичнее предположить, что труп его в данный момент лежит в придорожном лесочке и ждет, когда на него наткнутся грибники, а машина с перебитыми номерами выставлена на продажу, а может, уже и продана какому-нибудь чеченцу или азербайджанцу. И милиционеры, которые приняли у Нины Волошиной заявление, естественно, сразу пришли к этому выводу и даже пальцем не шевельнут, чтобы найти Соколовского. Что толку его искать? Ведь ясно же, что ни его, ни машину уже не вернуть. А найти тело – значит найти на свою голову еще одного «глухаря»...

– Ты думаешь, надежды нет? – спросила Ирина, правильно истолковав его затянувшееся молчание.

Глеб встрепенулся и заставил свои губы растянуться в улыбке.

– Надежда есть всегда. Она, как известно, умирает последней... – Сообразив, что в данном случае старый афоризм прозвучал довольно-таки двусмысленно, Сиверов энергично помотал головой и легонько стукнул ладонью по рулевому колесу. – Я хочу сказать, что хоронить его пока рано. Подумаешь, неделя! Существует тысяча причин, в силу которых он мог где-нибудь застрять. Например, попал в аварию и лежит в какой-нибудь провинциальной больнице без сознания. А местным эскулапам даже в голову не пришло сообщить... да что я несу? Куда они сообщат? Если бы даже кто-то из них и взял на себя труд это сделать, куда бы он стал звонить? Да и кому это надо – звонить? Придет в сознание – сам позвонит... Или другой вариант: напился, подрался и получил пятнадцать суток. Тоже где-нибудь на периферии, где каждый сержант милиции мнит себя заместителем самого Господа Бога. Да в конце-то концов, он мог просто напасть на какой-то след и так увлечься, что забыл обо всем на свете! Он ведь профессионал, причем, как я понимаю, высочайшего класса. Для него работа – главный смысл существования. Возможно, он молчит как раз потому, что материал слишком горячий, и ему не хочется впутывать в это дело Нину, подвергать ее опасности... И нечего ей раньше времени звонить во все колокола, – продолжал он, понемногу воодушевляясь. – Если угораздило полюбить журналиста, которого, как волка, ноги кормят, пускай забывает о спокойной жизни. Это ведь еще только цветочки...

Ему казалось, что он говорит очень убедительно и аргументированно; Глеб сам почти поверил собственным словам. Да и чему тут, собственно, было не поверить? Все перечисленные им варианты были вполне возможны, как и множество других, в данный момент не пришедших ему на ум. Так почему, спрашивается, из всех существующих возможностей всегда нужно выбирать самую скверную? Почему непременно надо отравлять жизнь себе и окружаю-

щим подозрениями самого жуткого свойства? Что это, ей-богу, за пессимизм? Сегодня половина проектного бюро ходит вся в слезах и соплях по поводу свалившейся на сослуживицу беды, а завтра этот писака явится как ни в чем не бывало и заявит, что ему представился случай взять интервью у Романа Абрамовича и что упустить такую возможность он просто не имел права...

– Ты действительно считаешь, что все бабы – дуры? – вдруг спросила Ирина.

«Плохо дело, – подумал Глеб. – Что-то часто в последнее время она стала задавать мне такие вопросы: действительно ли я уверен, что все бабы – дуры, а журналисты – подонки? Видимо, она действительно принимает личную жизнь этой своей Нины Волошиной очень близко к сердцу. А я, похоже, начинаю понемногу стареть и, как это свойственно всем старикам, костенеть в своих убеждениях... и в заблуждениях тоже».

– Что навело тебя на эту свежую мысль? – поинтересовался он, преодолевая неожиданно возникшее желание закурить, а еще лучше – хватить стакан водки.

– Все, что ты говоришь, очевидно, – заявила Быстрицкая. – Все это буквально лежит на поверхности, и, когда я пыталась утешить Нину примерно этими же словами, она мне сказала, что сама знает, какая у журналистов работа. А уж Максиму это и подавно известно. Поэтому он, во-первых, никогда не исчезал, не поставив ее в известность, куда и на сколько дней уезжает, а во-вторых, всегда возил в бумажнике карточку с адресами и телефонами. Ну, такую, знаешь... «Если со мной что-то случится, прошу сообщить...»

– Предусмотрительно, – пробормотал Глеб.

В свете этого сообщения все его пространные рассуждения превращались в пустую болтовню. Да они и были ею с самого начала; главным свойством характера любого журналиста, желающего добиться хоть какого-то успеха в избранной профессии, должно быть повышенное внимание к людям. Журналист не имеет права быть небрежным в отношении даже со случайными знакомыми, потому что любой из них, в принципе, рано или поздно может стать источником любопытной, а порой и сенсационной информации. И уж если человек привык быть внимательным к посторонним людям, то заставить собственную невесту сходить с ума от неизвестности он не может по определению...

– Она решила обратиться к экстрасенсу, – сказала Ирина.

– К кому?!

– К Грабовскому. Говорят, у него просто феноменальные способности.

– О господи, – только и смог сказать Сиверов.

Ему доводилось краем уха слышать о Борисе Грабовском, да и в Интернете упоминания о нем на сайтах соответствующего содержания были нередки. В последнее время его имя частенько появлялось в выпусках новостей; однажды Глеб, заинтригованный этой шумихой, живо воскрешавшей в памяти времена стремительного взлета Кашпировского и Чумака, заглянул на личный сайт Бориса Григорьевича, и от того, что он там прочел, у него волосы встали дыбом. Грабовский с одинаковой готовностью брался предсказывать судьбы не только людей, но и поездов, и самолетов – разумеется, не бесплатно. Транспортные средства он «тестировал» на договорной основе, по контракту, получал за это огромные гонорары и исправно выплачивал солидные налоги. С людьми Борис Григорьевич вел себя намного осторожнее: платы за свои услуги не брал, но каждый, кто обращался к нему за помощью, должен был внести определенную сумму в возглавляемый им фонд, основанный якобы для финансирования исследований в области парапсихологии. Сумма взноса была внушительная, и выплачивалась она, разумеется, сугубо добровольно. С точки зрения действующего законодательства придраться тут было не к чему, но именно тщательность, с которой Грабовский обезопасил себя от каких бы то ни было преследований со стороны закона, наводила на мысль, что он нечист на руку. Впрочем, путаница в финансовой отчетности рано или поздно уравнивает и честного человека, и прожженного мошенника, усаживая их рядышком на нары в камере следственного изоля-

тора. Осмотрительность необходима в любом бизнесе, и далеко не каждый, кто, имея дело с большими деньгами, прибегает к помощи профессиональных бухгалтеров и юристов, – непойманный вор...

– Хорошо, – сказала Ирина, которая прекрасно поняла, что означало восклицание Сиверова, поскольку никакой другой реакции от него и не ждала. – По-твоему, все экстрасенсы – мошенники...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.